

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

РУСЬ, ОТКУДА ТЫ?

Проблема варягов
Славянство и история
Происхождение
глаголицы
Что мы знаем
о Влесовой книге?
Религия древних руссов
Норманисты Запада
после войны

**Сергей
ЛЕСНОЙ**

Тайны Земли Русской

Сергей Парамонов

Русь, откуда ты?

«ВЕЧЕ»

1962

Парамонов С. Я.

Русь, откуда ты? / С. Я. Парамонов — «ВЕЧЕ», 1962 — (Тайны Земли Русской)

Истоки Руси, в которых, быть может, и сокрыта ее непонятая тайна, искали и среди холодных скал Скандинавии, и в бескрайних скифских степях, непредсказуемых в своей раздольной пассионарности, и в Белорусском Полесье, и даже в Малой Азии, в великой империи хеттов. Автор книги – Сергей Лесной (Сергей Яковлевич Парамонов), русский эмигрант, на себе испытавший трагизм отечественной истории XX века, посвящает свое исследование малоизученному периоду истории Древней Руси – доолеговому времени. Много внимания автор уделяет анализу материалов, относящихся к так называемой «Влесовой книге» – летописи языческой Руси. В своей работе ученый отстаивает существование истинно славянской государственности и культуры Древней Руси, доказывает несостоятельность норманнской теории.

Содержание

От редакции	6
Предисловие	7
Вступление	13
Раздел 1. Проблема варягов	17
Глава 1. О неверном понимании летописей	17
Глава 2. Учтены ли в проблеме о варягах все данные летописей?	27
Глава 3. Существовало ли германское племя Русь?	33
Глава 4. О косвенных доказательствах норманистов	39
Глава 5. Заключительные замечания	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Лесной

Русь, откуда ты?

© Кравцов А. Н., предисловие, 2011

© Оформление. ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От редакции

Откуда ты – великий народ, создававший империи и сам же их губивший? Народ, способный явить чудеса героизма при защите Отечества и погубить миллионы братьев своих в кровавых усобицах? Народ, такой неудобный для окружающих и для самого себя – и в то же время ставший почти географическим фактором нашей планеты: браните вы его или славите, вот только не принимать его во внимание невозможно... Истоки Руси, в которых, быть может, и сокрыта ее непонятая тайна, искали и среди холодных скал Скандинавии, и в бескрайних скифских степях, непредсказуемых в своей раздольной пассионарности, и в Белорусском Полесье, и даже в Малой Азии, в великой империи хеттов. Автор этой книги, русский эмигрант, на себе испытавший трагизм отечественной истории прошлого века, внимательно сопоставив древние и средневековые источники, приходит к внешне простому выводу: а что, если все эти, обозначенные выше, вехи и стали теми дальними рубежами, в которых просторно и трудно складывались русская государственность и русская культура? Отсюда и извечное чувство вселенской причастности, и имперские претензии, и непонятное многим ощущение святости родной земли.

Обосновывая свою позицию, автор апеллирует и к такому неоднозначному источнику, как «Влесова книга», оригинал которой погиб во время Второй мировой войны. Ведь Сергей Лесной – один из тех немногих и самоотверженных людей, благодаря кому это мифологизированное повествование о древнейшей предыстории славян все-таки вошло если не в академическую историю, то в русскую культуру нашего переломного времени, с его очевидными ренессансными устремлениями к великим деяниям и вере предков. Более того, сейчас вы впервые получаете возможность познакомиться с книгой Сергея Лесного в ее изначальном виде, без тех сокращений (или даже просто упрощенных пересказов отдельных глав), которые имели место во всех ее российских изданиях последних двух десятилетий. Благодаря кропотливому труду Андрея Кравцова, подготовившего это издание, перед вами предстает вдумчивый и полемичный ревнитель отечественной истории, исключительно грамотный и эрудированный ученый-одиночка, чье наследие нам еще предстоит открыть и понять – не только в той книге, но и в других его трудах, которые готовит к печати наше издательство.

Предисловие

*...Не с тем чтобы силой хвастать,
А с тем, чтоб уйти от вранья.
Твержу я: вовеки рабства
Не знала земля моя!
И, стало быть, не годится
Порочить нам старину,
И есть у нас, чем гордиться,
За что прославлять страну!*

И. И. Кобзев. Слава веков

Когда несколько лет назад мне на глаза попала одна из книг Сергея Лесного «Из далекого прошлого славян», то я нисколько не предполагал, что это мимолетное чтение станет для меня началом длительной и интересной истории знакомства с ее автором. Знакомством, увы, односторонним и, к сожалению, без всякой возможности к личному общению. Книга мне показалась очень насыщенной идеями, сопоставлениями, сравнениями и предположениями. Как сказали бы нынешние историки, «предположениями бездоказательными». А все оттого, что С. Я. Пармонов, публиковавшийся под псевдонимом Сергей Лесной, не являлся историком в своем формальном образовании. Более того, он занялся историческими исследованиями Древней Руси, уже находясь вне России, работая профессором Австралийского национального университета, и публикуясь преимущественно за собственный счет. Советская историческая наука, разумеется, никак не могла с этим примириться, а уже тем более признать его в качестве специалиста. Полагаю, что российскому читателю, интересующемуся данной тематикой, еще предстоит принять и, уверен, признать Сергея Яковлевича Пармонова в качестве такового.

Родился он в 1894 г. в Харькове и уже в 1917 г. окончил Киевский университет, став дипломированным биологом (энтомологом), а затем и доктором наук. К началу Второй мировой войны занимал пост директора Зоологического музея АН Украины. При стремительном наступлении немецких войск на Киев в 1941 г. Сергей Яковлевич не эвакуировался, подобно многим его коллегам, а как истовый ученый решил остаться, чтобы спасти от разграбления уникальную коллекцию Зоологического музея. Потом, правда, его вместе с музеем отправили в Германию, где он был вынужден, по существу находясь под арестом, сопровождать коллекцию в пути ее следования. Осталось свидетельство, что он не побоялся подать жалобу, когда в Польше и Германии стали исчезать ценнейшие экспонаты. Благодаря его стараниям они были спасены и впоследствии, уже после войны, возвращены в Киев. Сам же ученый был отправлен в концлагерь Мюнден, близ Ганновера, откуда его освободили союзники в мае 1945 года.

«... в нашей печати не раз появлялись утверждения, что Сергей Лесной, автор нескольких глубоких и по сути «пионерских» работ о «Книге Велеса», будто бы бежал с немцами из Киева в 1944 г. Впервые об этом в научной печати заявил филолог Шарлемань, и с тех пор это мнение продолжает тиражироваться многими «антивелесоведами». А между тем Лесной, советский ученый, антифашист, провел четыре года в концлагере «Мюнден», откуда потом его освободили части британской армии, и так он потом оказался эмигрантом. И все его книги в области русской истории посвящены борьбе с норманнской идеей, в которой он видел исток идеологии германского национал-социализма» (А. И. Асов «Тайны «Книги Велеса»). Несколько слов о «Влесовой книге». Это уникальный памятник древнеславянской письменности IX в. н. э. Была вырезана на деревянных дощечках славянскими волхвами-кудесниками. Охватывает двухтысячелетнюю историю миграций славяно-ариев из Семиречья к Днепру (XI в. до н. э. –

IX в. н. э.), отражает их религиозно-философское мировоззрение, а также взаимоотношения со многими другими народами Европы и Азии.

В том же 1945 г. Сергей Парамонов переезжает в Париж, затем в Лондон, а в 1947 г. в – Австралию, где получает почетное место профессора в Австралийском национальном университете (Канберра). Помимо его книг и научных публикаций, осталось крайне мало свидетельств о жизни и деятельности Сергея Яковлевича. Он не оставил о себе воспоминаний, мемуаров или чего-либо подобного. И потому любое живое свидетельство людей, живших и работавших рядом с ним, поистине бесценно. Так, находясь в Австралии и заинтересовавшись биографией С. Я. Парамонова, я обнаружил публикацию русского историка Елены Говор в местной прессе. В своем очерке «Ольга Гостиная из рода Кочубеев, австралийский этнограф» она приводит любопытные факты встреч ее героини с Сергеем Яковлевичем Парамоновым, произошедших в 1963 г.: «... В 21 год я кончила изучать этнографию в Университете в Йоханнесбурге (Южная Африка. – А.К.), и сама преподавала там один год. Потом подала заявки в разные места для получения стипендии для работы над докторской диссертацией, и я получила стипендию в Австралийском национальном университете, в Канберре, для изучения папуасов Новой Гвинеи... Русский язык в то время у меня был очень плохой, но все-таки это был не чужой язык. Когда я жила в общежитии, в Университетском доме, в Канберре, там жил очень знаменитый пожилой русский энтомолог и историк, доктор Сергей Парамонов».

Проф. С. Я. Парамонов (Лесной), 1947 г. Из документов, хранящихся в Национальном Архиве Австралии. Обнаружено при содействии Е. В. Говор (Канберра)

Позднее я списался с автором этих воспоминаний Ольгой Гостиной, и она мне ответила более подробно. Вот что она вспоминает: «...Я была знакома с С. Я. Парамоновым в то время, когда училась в аспирантуре в Австралийском национальном университете в 1963–1967 гг. Наше знакомство состоялось довольно банально, когда мы вместе обедали в университетском кампусе и говорили обо всем подряд, за исключением его семьи или его родных, оставшихся на Украине. Вероятно, это было мое упущение не поинтересоваться таковым – мой русский язык тогда был значительно хуже, чем сейчас (в особенности до того, как мы вместе с мужем провели по обмену целый год в МГУ в 1968–1969 гг.). Мы с Сергеем Яковлевичем иногда говорили по-французски, который был моим первым, родным языком. В иных случаях гово-

рили по-русски или на ломаном английском. После того обеда, когда мы познакомились, раз в неделю или около того Сергей Яковлевич приглашал меня к себе в комнату (он жил тут же, при университете в профессорском доме. – А.К.) и мы очень интересно беседовали. Он обладал удивительными знаниями в биологии, зоологии, рассказывал о насекомых и показывал некоторые новенькие экземпляры. Иногда он также играл мне на пианино, которое находилось в его комнате, что-то пел... К сожалению, я не знала тогда так хорошо русский и украинский фольклор, чтобы оценить его пение» (перевод с английского. – А.К.).

Уже будучи в Австралии, С. Я. Парамонов начал свои исторические исследования, и за собственный счет с 1955 по 1966 г. выпустил четыре ярко написанные, добротные по подбору материала книги, посвященные древней истории славян и прежде всего Книге Велеса. Эти издания давно стали библиографической и букинистической редкостью, так как их тиражи редко превышали 500 экземпляров.

CURRICULUM VITAE

Prof. S. J. P A R A M O N O V

Born 21.X.1894 in Kharkov (Ukraina). Son of a forester.

In 1912 graduated at the high school at Ackerman (Bessarabia) and entered the physico-mathematical faculty (section of natural sciences) of the University of Kiev, graduated in 1917.

His first works have been published in 1915, when he was a student, in the "Ornithological Messenger". -

Owing to the revolution emigrated in 1918, firstly to Bessarabia and lived afterwards in Rumania, Germany, Poland and France as an emigrant with a passport of the Nansen Committee. Worked in several Museums of West Europe, especially in the domain of the theoretical (systematics) and applied entomology. Specialist of diptera (Flies), family of Bombyliidae, knows this branch universally.

Author of more than 100 scientific works pertaining to entomology and ornithology, 7 monographies. These works have been published in England, Spain, France, Holland, Germany, Sweden, Switzerland, Austria, Poland, Russian and Ukraina.

Member of the Ornithological Society of Kiev since 1913; of the Entomological Society of Kiev since 1917; of the Naturalist Society of Kiev since 1917; of the Polish Entomological Society since 1925, of the Russian Entomological Society since 1925, of the German Entomological Society since 1929.-

His main activity has been in Poland, in Poznan, where he has been at first a collaborator of the Zoological Museum and thereupon conservator and director.

On account of family circumstances removed in 1930 to Paris where he taught zoology at the Russian high school and wrote popular scientific articles continuing at the same time his scientific activity.

During the war has been arrested by the Germans and spent several years in different camps (the first at Beutschen and the last at Munden) and was liberated by the British Army; returned to Paris, where he has relatives, at the beginning of June 1945. -

As a specialist of the diptera group classified insects for the Imperial Bureau of Entomology, the British Museum and the Zoological Museums of Berlin, Hamburg, Munich, Vienna, Warsaw, Pznan, Lvov, Leningrad, Moscow, Cairo, Taigonu (Formosa) and numerous other institutions. Participated at the

Резюме проф. С. Я. Парамонова на английском языке 1947 г. Подано при трудоустройстве в Австралийский Совет по науке и исследованиям – аналог Академии Наук. Из документов, хранящихся в Национальном Архиве Австралии. Обнаружено при содействии Е. В. Говор (Канберра)

Название «Влесова книга» (ВК. – А.К.) дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации – С. Лесным. В его сочинении «Влесова книга» наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. В конце 60-х гг. о ВК он упоминает в своих книгах «История руссов в неизвращенном виде» и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси». В 1960 г. С. Лесной прислал в Советский славян-

ский комитет фотографию с одной из дощечек «Влесовой книги». Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Она располагала весьма ограниченным материалом (на дощечке читалось всего десять строк текста), однако смогла прийти к принципиально важным выводам. Во-первых, было отмечено, что фотография сделана, видимо, не непосредственно с дощечки, а с прориси. Во-вторых, Л. П. Жуковская указала, что если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка, напротив, свидетельствуют о том, что «рассмотренный материал не является подлинным», – пишет О. В. Творогов в своей публикации «Влесова книга» («Труды Отдела древнерусской литературы» [ТОДРЛ]. XLIII, Л., 1990. С. 170–254). И продолжает: «... нам неизвестно, чтобы ВК заинтересовала кого-либо из европейских или американских ученых: Лесной, как и Миролобов, работал в изоляции от специалистов». Сам Сергей Яковлевич с этими доводами не согласился. И хотя после публикации статьи Л. П. Жуковской о ВК в СССР надолго забыли, он продолжал в Австралии с энтузиазмом работать над своими идеями.

В 1963 г. он намеревался выступить с докладом о ВК на V Международном съезде славистов, позднее опубликованном в Софии в научном сборнике «Славянская филология». В 1964 г. посвятил ей большой раздел в своей книге «Русь, откуда ты?», и наконец два года спустя вышла в свет его последняя работа – «Влесова книга». Скончался Сергей Яковлевич Парамонов 22 сентября 1967 г. в Канберре (Австралия), о чем в международной печати появилась заметка «Памяти проф. Алексея Яковлевича и проф. Сергея Яковлевича Парамоновых»: «В сентябре 1967 г. скончались друг за другом два энтомолога из Украины, братья Алексей и Сергей Парамоновы. Младший брат, Алексей, был опытным энтомологом и руководил до войны на Украине борьбой с крупными лесными вредителями. Он эмигрировал в Англию, где работал в Forest Research Commission. Несколько лет назад он перешел на кафедру энтомологии леса в университете г. Мерида в Венесуэле. Энергично он взялся за работу на доверенной ему должности, но через некоторое время заболел и был вынужден вернуться в Англию, где вскоре и скончался. Его брат Сергей работал в Division of Entomology of Commonwealth Scientific Research Organisation в Австралии и скончался незадолго до смерти брата в Канберре». (L. Brammanis. Anzeiger für Schädlingkunde. Vol.43, N.6, перевод с немецкого – А.К.)

Как пишет в своем письме Ольга Гостева: «Позднее в 1966–1967 гг. мы с моим будущим мужем Виктором навещали Сергея Яковлевича в больнице. Он был очень рад, что мы собираемся пожениться, так как всегда считал Виктора наилучшим кандидатом в мои супруги. Когда в 1968 г. мы поженились, то перед нашим отъездом в Советский Союз посетили Woden Cemetery в Канберре, где покоился прах к тому времени уже почившего в мире Сергея Яковлевича. К его надгробию я положила мой свадебный букет...»

Убежден, что данной публикацией исследовательских работ Сергея Яковлевича Парамонова мы отдаем дань уважения ему как ученому и историку.

Андрей Кравицов. 2010

Вступление

«Русь, откуда ты?» – вот вопрос, который не раз ставил перед собой автор, как, несомненно, ставит всякий русский или вообще человек, интересующийся судьбой своей страны, ищущий верное место своего народа среди других народов Европы. Не все казалось ему ясным и понятным, когда он изучал историю в школе. Но пришла пора зрелости, когда на все глядишь уже не глазами неопытного юноши, когда понимание жизни стало иным, – тогда указанный вопрос встал серьезнее. Естественно, что автор обратился не только к учебникам истории, но и к первоисточникам. Результат оказался неутешительным: официально принятая теория происхождения Руси была явно неубедительной во многих отношениях, всюду приходилось наткнуться на противоречия, всюду были видны белые нитки, которыми она шита.

Не совсем убедительной показалась автору и другая, соперничавшая с официальной, теория: работ было мало, материал довольно хаотичен, все имело вид не столько науки, сколько гениального прозрения. В этих условиях автор решил сам взяться за дело, нельзя было оставить вопрос: кто ты, откуда? – без ответа. В результате появился труд – «История “руссов” в неизвращенном виде» (1953–1960, 10 вып., 1175 стр.). Он показал, что официальная теория происхождения Руси совершенно ошибочна, но это еще не решало вопроса в целом. Оставалось еще несколько крупных проблем, которые нуждались если и не в окончательном решении, то, по крайней мере, в выяснении.

Автор представляет теперь на суд читателя труд, который написан не для денег и славы, а только ради удовлетворения нужд своего ума. И автор надеется, что и другие испытают чувство удовлетворения по поводу нового, представленного в этом труде.

Новое появилось не только потому, что автору удалось привлечь совершенно новые источники, но и потому, что он критически посмотрел на старые, взглянул на них с уровня текущего, а не минувшего столетия.

Пять крупных проблем составляют предмет данного труда.

Первая – проблема варягов. Выяснено окончательно, что «варяги», явившиеся на Русь (которая еще так не называлась!), были по национальности славянами и приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла. Они же были представителями ее женской линии – внуками последнего новгородского князя Гостомысла от его средней дочери, вышедшей замуж за славянского князя на Западе. Призывали своих – славян, а не чужих – германцев.

Никакой существенной роли в создании государственности, культуры и т. д. Древней Руси германцы не сыграли. И государственность, и культура были свои, созданные еще века до этого своими руками.

Уже во 2-й половине IX в. в Восточной Европе существовало два больших славянских государства – Новгородское (Русью еще не называвшееся) и Киевское (носившее имя Руси). Эти государства имели своих князей, свои династии, свою собственную, довольно высокую культуру и широкие связи в Европе: в Новгороде отлично знали, что делается на Эльбе, Дунае, Днепре и на Дону. Представления прежних историков о дикости тогдашних руссов являются и впрямь дикими по своему несоответствию с действительностью. Таким образом, эта проблема оказалась совершенно иной, чем мы когда-то учили, и не такой, какой она представляется до сих пор иностранцам или русским в зарубежном рассеянии.

Вторая проблема – о происхождении не государства, а племени Русь. И здесь выводы коренным образом отличаются от общепринятых взглядов: Русь оказалась на много веков древнее, что засвидетельствовано историческими документами, на которые раньше не обратили должного внимания.

Кроме того, выяснилось, что племя Русь появилось в Восточной Европе не испокон веков, а, по-видимому, в начале нашей эры или на рубеже старой и новой. Оно является только восточным отрогом древнего племени Русь, которое уже было отмечено в Средней Европе историками I в. н. э. Поэтому мы можем утверждать, что Русь происходит из Средней Европы, где в настоящее время она истреблена, но существовала как минимум до конца XII в.

Однако ее восточный отрог от Карпат и до Днепра уцелел и имеет ту историю, которую мы знаем под именем истории Руси. Впрочем, писаная история Киевской Руси по меньшей мере на 400 лет древнее, чем это до сих пор принималось. И этот срок еще не крайний, не окончательный. Мы имеем все основания надеяться, что он после дальнейших исследований будет отодвинут еще более в глубь времен.

В данном труде делается первая попытка написания предварительного очерка истории доолеговской Руси, т. е. о том, о чем мы в школе и не подозревали.

Среднеевропейское славянское племя Русь (никакого германского племени Русь никогда не существовало, мы это особо подчеркиваем!) в IX в. послало в Новгород сыновей своего князя (Рюрика с братьями) для восстановления там угасшей династии по мужской линии. Так встретились западные, коренные русины с восточными, новгородскими, называвшимися также частным именем словен. Русский летописец не ошибся, сказавши, что посланцы новгородцев «идоша к варягам, к Руси»: Рюрик с братьями были сами русинами, но пришли к новгородцам, которые Русью тогда не назывались. Только когда Олег, бывший единственным иностранцем на престоле по праву опекунства, норвежец, завоевал из Новгорода Киев и захватил Южную Русь, имя Руси распространилось и на Новгород, на другие северные и восточные области, подчиненные Киеву. Случилось это потому, что Киев стал столицей двух объединенных восточноевропейских славянских государств.

Третья проблема – проблема славянства. Так как корень племени Русь лежит в Средней Европе, сам собой является вопрос: откуда вообще славяне попали в Европу и какое место среди других славянских племен занимают руссы?

Исследование убедило автора, что теория прихода славян из Азии недоказательна, достоверных фактов нет. Исторические и археологические данные говорят, что **славяне в Европе автохтоны, т. е. коренные жители**, если же они когда-то и появились в Европе из других стран, то это было в то время, когда эта ветвь индоевропейских народов еще не сформировалась и не освободилась от других ветвей в достаточной степени. По-видимому, становление славян произошло в Европе.

Исследуя корни славян, автор столкнулся с поразительным фактом, не объясненным и вовсе не оцененным историками (мы будем дальше говорить об европейских историках, ибо лишь они и занимались историей Западной Европы): для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы, не находится места, когда речь заходит об их происхождении! Все народы – германцы, романцы, кельты, угро-финны и т. д. – имеют свою родину, но не славяне.

Коренной областью славян историки считали... Полесье, т. е. область, в прошлом совершенно непригодную для жилья человека! В настоящее время многие отвергают эту теорию и приписывают славянам происхождение из причерноморских степей или области к северу от Карпат и далее. Но все эти теории не решают вопроса, а только отодвигают его в сторону, – это только псевдорешение.

На основании исследования первоисточников (о чем автор не имеет возможности говорить здесь пространно) автор пришел к выводу, что вся Средняя Европа, от устья Эльбы до устья Дуная, была издревле заселена славянами. Ошибка заключается в том, что историки, главным образом немецкие, приняли огромное количество славянских племен за германские. Родилась даже дикая теория о существовании германцев уже в первые века н. э. от Рейна и

до... Дона! При таком допущении, естественно, на карте Европы никак не могли найти места для славянских племен.

На деле же руги, вандалы, лужичи, карпы, бастарны и другие были не германцами, а славянами.

Особенно диким оказалось представление, что готы были германцами. На самом деле это были готы, народ древнейшего корня, ничего общего с германцами не имеющий. Иордан, историк VI в., желая возвеличить так называемых готов, прилепил к их истории многовековую историю готов, очевидно, пользуясь сходством названий.

Выяснилось также, что нашествие гуннов вовсе не было типичным нашествием азиатско-кочевников. Они были в Европе и до 375 г. И появились в Крыму не потому, что прорвались через Керченский пролив, а потому, что случайно открыли возможность проникнуть в Крым через Арабатскую стрелку.

Мы не будем останавливаться на других важнейших и интереснейших подробностях. Скажем лишь, что наши исследования привели нас к убеждению, что начальную историю Европы надо написать заново и огромной роли славян дать в этой истории надлежащее место.

Четвертая проблема – это проблема письменности у славян. Письменность – важнейший показатель культуры. Славяне, издревле жители Европы, сталкивавшиеся с греками и римлянами за века до н. э., не могли не иметь своей письменности, ибо были не менее людьми, чем кельты, о которых еще Цезарь, т. е. до начала нашей эры, писал, что они пользуются греческими буквами для своей письменности.

И действительно, мы имеем доказательства, что древние славяне пользовались особой системой рун. Надписи рунами сохранились до сих пор. Автору удалось найти доказательства, что и так называемая глаголица, и кириллица употреблялись гораздо раньше того времени, которое им до сих пор приписывали.

Глаголица, по-видимому, изобретена в конце IV в. епископом Ульфиллой. Именно на этом алфавите была Библия, переведенная им *для славян*. Ничего общего с так называемым «Кодексом Аргентеусом» эта Библия не имела. Готский «Кодекс Аргентеус» на самом деле написан не Ульфиллой и не на готском, а лонгобардском языке.

Кириллица употреблялась задолго до св. Кирилла: уже в 861 г. он встретил в Херсонесе (Крым) русина, у которого были Евангелие и Псалтырь, написанные кириллицей. Св. Кирилл только усовершенствовал алфавит. Несомненно, имелись и другие формы и попытки славян в разных местах решить проблему своей письменности, однако материалы по этому вопросу не собраны и не изучены, ибо, очевидно, препятствие было в том, что не видели надобности в изучении «неисторического народа». Теперь же, когда эти «неисторические» народы переворачивают вверх дном жизнь «исторических», пора взяться и за эту темную, почти неисследованную область.

Пятая проблема – проблема «Влесовой книги». Это совершенно неизученный и только на $3/4$ недавно опубликованный источник, по-видимому, летопись языческих русских жрецов, начинающаяся событиями задолго до нашей эры и доведенная до Аскольда и Дира, но не захватившая вовсе Олега.

Это, по-видимому, древнейший русский оригинальный источник, которым мы располагаем. Написан он, в сущности, на неизвестном славянском языке, представляющем огромные трудности для нашего нынешнего понимания.

Излагает он как события уже упоминавшиеся в истории, так и, в большинстве случаев, зафиксированные впервые, ибо касается эпохи, вовсе не затронутой летописью Нестора. Имеется много данных о религии древних руссов, которая по сущности своей была *монотеистической*. Руссы веровали в Троицу, бессмертие души, рай и т. д. Приводится много обычаев, связанных с религией, несколько изумительно красивых поэтических образов и т. д.

Но весь этот источник – грудa совершенно хаотического материала без начала и конца, с огромным количеством испорченных и утерянных мест. Объем предстоящей работы просто неопиcуем, ибо касается материала, занимающего до трех печатных листов. Когда и кто это сделает – неизвестно. Одно можно сказать: открытие выдающееся, переворачивающее все наши представления о прошлом.

Кое-что автору этих строк все же удалось сделать, но, разумеется, не в той форме и объеме, как это следует, ибо автор написал труд не для специалистов, а для широкого, но вдумчивого читателя.

Из вышесказанного следует, что большинство материала книги будет вовсе новым и для рядового читателя. Придется очень и очень задуматься над многими вопросами нашего национального и политического бытия.

В процессе писания этой книги многое пришлось пересмотреть из того, что было чуть ли не постулатом в душе автора. Прежде всего выяснилось, что ни русским, ни другим славянам не следует заниматься самоуничижением и тем паче самооплевыванием.

Славяне прошли очень долгий и трудный исторический путь. Многие другие народы и их империи пали, а славяне остались. Остались, несмотря на братоубийственные войны и бесконечную борьбу с внешними врагами.

Три основных черты славян определяют их жизнестойкость: необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже не осознанная умом, и талантливость.

Пишучи эту книгу, ознакомившись с историей и других славян, автор стал (он только теперь с горечью сознается) настоящим славянином, т. е. сознающим свое место и свой долг в семье других славянских народов. Нам долго не давали места под солнцем. Самое слово «славянин» почти всюду означало «раб». Нас до сих пор гонят в Азию. Нас веками натравливали друг на друга. Даже в истории не дают надлежащего места.

Но это время уже прошло. Славянские народы поднялись и сами напишут свою историю, в которой будет правда и должное место каждому.

Раздел 1. Проблема варягов

Глава 1. О неверном понимании летописей

Нет ничего труднее, как искоренять заблуждения, существующие веками. К таким заблуждениям относится и так называемая «норманская» теория, согласно которой существовало германское племя Русь, которое и создало государственность, культуру и даже передало свое имя тому государству, которое стало называться Русью, а позже Россией.

Несмотря на то, что в последнее время появились книги, брошюры, многочисленные журнальные и газетные статьи, в которых несостоятельность норманской теории доказана неопровержимо, несмотря на то, что эта теория отброшена совершенно в стране, о которой идет речь, – до сих пор находятся авторы или развязные лекторы, повторяющие все ту же навязшую в зубах историю о призвании германцев, что слово «Русь» происходит от «руотси», о владычестве германцев над Русью, о варяжских княжествах на Волге и Каме и т. д.

Приходится удивляться, как могут люди не читать, не думать и исповедовать положения, которые совершенно устарели, никуда не годны и противны всякой логике. Не пора ли наконец взяться за самостоятельное мышление?

Чтобы убедить в нашей правоте, начнем с малого: покажем прежде всего, как неверно понимали то, что сказано в летописях, какие элементарнейшие ошибки были сделаны в понимании прошлого.

1. Начнем с классического: «Земля наша велика и обильна, **а наряда в ней нет**, да пойдете княжить и володеть нами». Так говорили посланцы северных племен братьям-варягам во главе с Рюриком.

Поняли (и перевели всюду) так: «**а порядка в ней нет**». Не только неверно перевели, но и возвели эти слова в принцип всей нации, создали своего рода «кредо», что руссам органически свойствен беспорядок. Отсюда родился бессмертный припев в «Истории России от Гостомысла и до наших дней» А. К. Толстого:

Ведь немцы тароваты,
Им ведом мрак и свет.
Земля у нас богата,
Порядка только нет.

Отсюда пошло дальнейшее самооплевывание и самоуничужение, которые буквально вошли в плоть и кровь.

А между тем в летописи стоит совершенно иное, сказано: «**а наряда в ней нет**». «Наряд» – вовсе не значит «порядок», а «власть», «управление», «приказ». В нашем языке до сих пор еще бытует выражение «наряд на дрова», «наряд на квартиру» и т. д. Это означает распоряжение на выдачу дров, квартиры и т. д.

Посланцы сказали братьям-варягам: «Земля наша велика и обильна, а управления в ней нет, приходите княжить и владеть нами». Что это именно так, видно из того, что в некоторых списках летописей вместо слов «а наряда в ней нет» стоит «а нарядника в ней нет». Дело кристально ясно и понятно: князь умер, наследников нет, власть отсутствует, налицо раздоры – посланцы едут приглашать нового князя.

Наконец, нельзя же отказывать нашим предкам в уме: ну, кто скажет, что земля наша велика и обильна, а все в беспорядке? Ведь если бы действительно было так, то у них хватило

бы сообразительности не отпугивать кандидатов в князья заявлением, что они приглашают их в страну, где господствует беспорядок.

Примитивами были не наши предки, а наши историки, которые не знали достаточно хорошо значение древних русских слов и не вдумывались в реальность минувшего. **Нашу историю начали писать немцы, которые даже вообще не знали или плохо знали русский язык. А за ними, как за непререкаемыми авторитетами, пошло и пошло: «порядка в ней нет».**

Призвание варягов. Художник В. М. Васнецов

Отметим, что приведенное выше объяснение дано не только нами, но и некоторыми другими авторами. К сожалению, никто не обратил на это должного внимания, а последствия ошибки были огромны.

2. «В лето 6360, индикта 15 день, начеишу Михаилу царствовати, **нача ся** прозывати Руська земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишеться в летописании Гречьстемь».

Основоположники русской исторической науки Шлёцер, Куник, Круг, Погодин перевели эти слова так:

«...Русское **имя началось при Михаиле**, ибо нам известно, что при нем Русь приходили в Царьград».

Поняли это место так, что, мол, при греческом императоре Михаиле III (857–867) появилось имя Русь. Д. С. Лихачев (1950) в издании Академии наук перевел: «Стала прозываться Русская земля». Все подобные переводы либо слишком туманны, либо вовсе неверны. Следует переводить: «**Стала упоминаться** Русская земля» (впервые в греческих летописях).

Слово «прозываться» имеет не только смысл «нести имя», «называться», «быть названным», но и «быть упомянутым». Мы до сих пор говорим: «данный отрывок», «вышеприведенный отрывок», «вышеупомянутый отрывок», «**названный** отрывок».

Когда мы произносим «названный отрывок», мы употребляем второе значение слова «называть». Речь идет не о том, что данному отрывку дали имя или назвали его, а его **упомянули**. В летописи вовсе не сказано, что при Михаиле III появилось имя «Русь», а что при нем в греческих летописях впервые было упомянуто это имя.

Русь существовала задолго до Михаила. Достаточно вспомнить, что послы «народа Рос» упомянуты в латинской хронике еще в 839 г., они явились в Царьград для заключения мирного договора, а сношения руссов с Византией, конечно, начались гораздо раньше. Руссы упоминались в истории задолго до нападения их на Царьград в 860 г., но летописец этого не знал. Самое древнее упоминание в чужих источниках он нашел лишь о времени этого нападения.

Таким образом, то, что приписали летописцу, будто бы Русь создавалась при императоре Михаиле, совершенно ложно.

3. «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: “Се буди мати градом Руським!”» Еще в 1953 г. Пушкарев толковал это место так: «По рассказу летописи (конечно, легендарному), он предсказал Киеву великое будущее, сказавши: “Се буде мати градом Русским!”»

Ни о каком предсказании здесь не может быть и речи: Олег пророчествами не занимался, а, севши в Киеве, приказал **считать** этот город **столицей** Руси (мати городом). Значение сказанного совершенно ясно из повелительного наклонения: «се буди!», а не «се буде». Ничего легендарного в этом сообщении летописи нет, есть подтвержденный историей факт, что после захвата Киева последний стал столицей объединенных государств – Киевского и Новгородского. Наконец, нечего было предсказывать Киеву великое будущее: Киев уже в то время был самым крупным и древним городом Южной Руси. Казалось бы, все ясно, а что из этого сделали?

4. «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат... И жряху им, наричюще и боги, и привожаху сыны своя и дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. **И осквернися кровьми земля Руська и холмот**¹».

Из этого сообщения летописи видно, что воздвижение кумиров и людские жертвоприношения были **новшеством на Руси, завезенным Владимиром** вместе с варяжской дружиной из Западной Европы, а потому и отмеченным летописцем.

Сказано отчетливо: «**и осквернися кровьми земля Руська**». Если бы до Владимира существовали человеческие жертвоприношения, то нечего было об этом летописцу писать и негодовать: дело было обычное; на деле же подчеркнуто, что именно с Владимира земля Русская осквернилась кровью людей, принесенных в жертву. Не обратили внимания на совершенно ясную фразу потому, что слышали о существовании человеческих жертвоприношений у западных славян, а отсюда делали ложный вывод: если, мол, было на западе, – значит, было и у нас. Из наших гуманных предков охотно сделали бы даже людоедов, был бы только хоть малейший предлог для этого.

Далее. Киевские руссы кумиров не воздвигали, мы не имеем ни малейших археологических следов этого. Перун в Киеве был тоже **новшеством**. Недаром, закрепившись в Киеве, «Володимер-же посади Добрыну, уя² своего, в Новгороде. И пришел Добрына Новугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему люди ноугородьстии аки богу».

¹ В различных публикациях последнее слово этой летописной цитаты записывается с некоторыми разночтениями. По контексту понятно, что речь идет о холме с кумирами. Видимо, здесь стояло изначально «холмъ ть», *холм тот*. Именно так истолковывается это место в академических изданиях летописи. – *Примеч. ред.*

² Вуй, уй (др. – рус.) – брат матери. – *Примеч. ред.*

Значит, первым актом новой власти было воздвижение кумиров. Если бы кумиры были в Новгороде до Добрыни, зачем было ему воздвигать там еще кумира?

На самом же деле и кумиры, и человеческие жертвоприношения были новшеством Владимира, введенным им под влиянием своего двухгодичного пребывания в Западной Европе и варяжской дружины, на которую он опирался при захвате Киева. Эти новшества просуществовали всего не более 10 лет, а из наших предков сделали кровожадных изуверов.

5. «Сей же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем, и мери, и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 (по другим данным, 3000. – С.Л.) за лето мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом». И здесь слово «дань» было понято в его **теперешнем** значении, и суть отношений между варягами и руссами была коренным образом изменена. В настоящее время слово «дань» понимают как вынужденную уплату чужому народу (или в переносном смысле), а в древности оно означало «подать», вообще уплату и в отношении своего народа.

Из этого отрывка ясно видно: Олег, закрепившись и осев в Киеве, занялся устройством укрепленных пунктов (городов) для отражения возможных нападений врагов. На все это нужны были деньги. На словен, т. е. новгородцев, кривичей и мерю, он наложил подать; кроме того, установил особую подать для оплаты услуг варягов (не дани или контрибуции, как поняли!!!).

В те времена постоянной армии не было. В случае появления врага создавалось народное ополчение. Естественно, и сборы такого ополчения занимали много времени. И самое ополчение не было достаточно эффективно и уступало профессионалам.

Олег продолжал политику Рюрика: 1) создавал укрепления вокруг городов и 2) имел небольшую постоянную армию наемных воинов из варягов, на которую он опирался во внешних и внутренних делах.

Совершенно очевидно, что Олег, затем Игорь, Святослав, Владимир и Ярослав, будучи властелинами огромного государства, не могли платить дань заморским варягам, ибо варяги Руси не побеждали, а иго варягов (см. далее) было свергнуто еще до Рюрика.

Наконец, нет ни малейших данных или намеков, какие именно варяги получали дань с Руси. Речь идет об огромном промежутке времени – почти в 200 лет. Значит, должны были быть отказы от уплаты дани, задержки в ее уплате, переговоры об изменении суммы и т. д. Ничего этого решительно нет. И вполне понятно почему: заморские варяги не имели никакого отношения к Руси, в летописи речь идет об уплате наемным варяжским отрядам за службу (и об этом сохранились в исландских сагах данные, что варяги заключали погодные контракты, и имеются даже указания на суммы, уплачиваемые Русью простым воинам-варягам, а также их начальникам). Русь платила жалованье наемным войскам, которые обеспечивали ее мирное существование («мира деля»), ибо при наличии постоянного войска никто не решался напасть на Русь в расчете на легкую добычу.

Однако со времени смерти Ярослава Мудрого и эта нужда в наемных войсках отпала: Русь была достаточно страшна своими собственными силами.

Мы видим, как легко и необдуманно превратили уплату наемным войскам (погодную!) в 200-летнюю дань огромного государства, притом неизвестно кому!

Может возникнуть вопрос: почему в отношении подати варягам упомянуты лишь словене, кривичи и меря, ведь и другие племена должны были нести расходы по содержанию общего наемного войска?

Объясняется это просто: летописец (первый, основной, а не Нестор 1113 года) был новгородцем (чему мы имеем много доказательств) и не знал положения дел на юге, но о подати на севере ведал, свою же, новгородскую, даже точно указал. К тому же он писал историю, а не отчет о государственных расходах.

б. «И от тех (варяг, добавил Д. С. Лихачев, 1950, взявши из других летописей. – С.Л.) прозвася Русская земля, Новгородцы, ти суть людье Новгородцы от рода Варяжска, преже бо беша Словени» (Лавр. лет., изд. 1872, стр. 19).

Отрывок этот, несомненно, испорчен и малопонятен, но действительный смысл нетрудно восстановить, приняв во внимание: 1) и другие летописи (в этом случае становится понятным, что испорчено), 2) а также обороты и понимание слов, которые употреблялись **тогда, а не теперь**.

Д. С. Лихачев в академическом издании (1950) перевел это так: «И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне».

Нелепость очевидна: как могли быть новгородцы людьми от варяжского рода (нелепость № 1), а в прежнее время быть славянами (нелепость № 2)? Ведь не могут китайцы стать французами или наоборот.

Объясняется испорченный отрывок без труда. Прежде всего совершенно ясно, что выражение «от варяжского рода» является формой древнего творительного падежа: не говорили «варягами», а «от варяг». Этим оборотом пестрят все летописи. И он существовал по крайней мере до 1800 г., когда в предисловии к «Слову о полку Игореве» Малиновский писал «убит от половцев» вместо современного «убит половцами».

В разбираемом отрывке эта форма употреблена два раза: 1) «от тех... прозвася Русская земля», 2) «от рода Варяжска» – «варягами». Конец фразы (одинаковый во всех списках) совершенно ясен: новгородцы стали называться новоприбывшими варягами Русью, а до этого они назывались словенами.

Трудно понять, как историки и филологи (в том числе Шахматов!!)³ могли допустить столь элементарную ошибку, понимая вышеприведенные выражения древности вот так, исходя не из норм того времени, а сегодняшнего дня.

Дальнейшая расшифровка облегчается Комиссионным списком Новгородской 1-й летописи, где сказано: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася Роусь, и от тех словеть Роуская земля и **суть** новгородстии людие до днешнего дня от рода варяжска». Достаточно обратить внимание на подчеркнутое нами слово «суть», чтобы понять, в чем дело: в других списках здесь стоит «суд» или «соуть». Слово «словуть» искажено в «соуть» (вероятно, опущено титло). Из контекста совершенно ясно, что **земля** теперь (из-за варягов) слывет Русской землей, а **люди** Новгорода, что назывались славянами, – русскими.

Сравнение этого места с другими существующими вариантами совершенно убеждает нас в истинном значении этого отрывка.

Наконец, нам понятно, почему это произошло: Рюрик и его дружина нуждались в каком-то одном слове для обозначения более десятка племен, которые были ими возглавлены, для них новгородцы, звавшие сами себя «словенами», мало отличались от «кривичей», «руси» и других восточных славянских племен. Для них это было племя, которое они назвали после того, как сели на Руси (см. ниже), Русью.

Новгородцу-летописцу было зазорно, что название его племени было насильственно изменено, и это он отметил.

Насколько беспредметно было мышление, можно заключить из того, что академик Шахматов считал, что в конце разбираемого отрывка было пропущено слово «варягы». «Допустив это, – писал он, – смысл восстановленной фразы тот, что попавшие под господство варяжских князей Словене стали называть себя Варягами».

Трудно поверить, чтобы такую чушь могли сказать в нашем столетии. Что покоренный народ через много столетий может воспринять имя покорителя – это возможно, хоть и далеко

³ Академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) – известный русский филолог, исследователь летописей, уделявший особое внимание реконструкции их текста. – *Примеч. ред.*

не всегда, но что через какие-нибудь 15–20 лет большой народ стал называть себя не своим именем и не именем даже покорителя, а **профессиональным прозвищем** (вроде: плотники, сапожники, солдаты и т. д.) – это уже сказки! Ведь «варяги» – это не нация, а профессия.

А что новгородцы долго помнили, кто они такие, видно из Московского летописного слова, где под 1469 годом сказано:

«Не лзе, брате, тому так быти... а из начала отчина есмы тех великих князей, и от первого великого **князя нашего** Рюрика (южнорусские летописи его **не считают** “своим»), его-же по своей воле взяла **земля наша** из Варяг князем себе и с двема браты его. По том-то правнук его князь великы Владимир крестися и вся земли наши крести: Руськую, и **нашу Словеньскую**, и Мерьскую...»

Стало быть, еще 600 лет спустя новгородцы не считали свою землю Русской, а называли «наша Словеньская», поэтому толкование, что новгородцы называли себя варягами – мысль просто дикая, показывающая, что академик Шахматов не только совершенно не понял данного отрывка, но не понимал и главных линий развития Руси, и соотношений между разными племенами.

7. Понятие «варяги» и понятие «руси» ясно различались в летописи: «варяги» – это наемное, многонациональное войско из Западной Европы, «русь» – это преимущественно жители Киевской державы, и лишь после, когда Киев стал столицей всех восточных племен, название это стало постепенно захватывать и другие племена.

Приняв такое понимание, мы избавляемся от множества нелепостей, которые принимались норманистами за истину. Мы проверили это на всем тексте летописей. Примеры покажут это наглядно.

«Поиде Олег, поим воя многи: варяги, чудь, словене, мерю, весь, кривичи, и прииде к Смоленску».

Мы видим, что Олег, идя из Новгорода на юг, на завоевание Руси, имел в своем распоряжении почти все северные славянские и неславянские племена и, кроме того, наемников-варягов. Судя по месту, отведенному варягам, это было ядро его армии.

Если бы варяги представляли собой германское племя Русь, то тут именно уместно было бы назвать их «Русью», но летописец этого не сделал, эти варяги **называются Русью** тогда, когда придут в Киев. Равным образом мы видим, что в состав войска Олега входили и новгородцы (словене), но они не называются «варягами» (как думал Шахматов) и не называются еще «Русью» – это случится гораздо позже.

Кроме того, из этого и последующих высказываний ясно, что у варягов не было национального лица – это была разношерстная масса наемников-пришельцев, противопоставляемая местным племенам, это было сборное, профессиональное имя, и только.

«И седе Олег княжа в Киеве... и беша у него варяги, и словене, и прочий, **прозваша(ся) Русью**».

Здесь исчерпывающе доказано то, что Русью стали прозываться все племена, подчиненные Олегу, лишь с того момента, когда он осел в Киевской Руси. Заметьте, что русский летописец Рюрика за русского князя **не считает**, ибо на Руси, т. е. в Киеве, этот князь не княжил. Отсюда следует, что имя Русь пришло не с варягами, а было древним местным названием на юге. Северные же племена до Олега Русью не назывались. Из отрывка становится очевидным, что не варяги принесли с собой имя Русь, а сами они его восприняли, поскольку были на службе у Олега и осели на Руси.

«Иде Олег на греки... поя же множество варяг, и словен, и чудь, и кривичи, и мерю, и деревлены, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины» (союзники).

Здесь слово «Русь» вовсе не упомянуто, ибо все перечисленные подробно племена составляли Русь, лишь тиверцы были союзниками, а варяги наемниками.

Хотя варяги, видимо, играли очень важную роль в походе Олега, особой дани от греков они не получили. Ее получили «русские города» Киев, Чернигов, Переяслав, Полоцк, Ростов, Любеч и др. Это свидетельствует об их подчиненной роли. Если бы варяги верховодили, то им, конечно, досталась бы львиная доля добычи.

Интересно, что о доле Новгорода не сказано ни слова, зато есть место, явно показывающее, что Олег был недоволен почему-то новгородцами и при дележе добычи их обделил: руси он приказал пошить шелковые паруса, а «словеном кропинья⁴» (точно значение не установлено). Ветер, однако, порвал паруса новгородцев, и они вынуждены были пользоваться своими старыми. Об этом с явной обидой говорит летописец, косвенно показывая этим, что он был новгородцем.

Различали варягов от других племен и позже Олега. «Игорь-же совокупив вои многи, варяги, русь, и поляны, словены, и кривичи, и тиверци, и печенеги ная» (др. – рус. «нанял», т. е. «нанял печенегов». – *Примеч. ред.*). Тут варяги опять выделены и отличены от Руси. На первый взгляд кажется, что «Русь» фигурирует здесь как отдельное племя, но это – недоразумение, основанное на том, что в древности не употребляли современных знаков препинания. В действительности надо после «Русь» поставить не запятую, а двоеточие, так как идет перечисление племен, подчиненных Руси. Что это так, видно из того, что болгары сообщали именно об этом походе грекам: «идуть Русь, и наяли суть к собе печенеги». Собирательное значение слова «Русь» в этом тексте не вызывает сомнений.

Различали варягов и до самого конца пребывания их на Руси при Ярославе.

«Ярослав-же совокупив Русь, и варягы, и словене». И здесь противопоставление варягам Руси, т. е. Киевской земле, и словенам, т. е. новгородцам, совершенно отчетливо. Варяги уже не на первом месте, а новгородцы особо выделены, ибо они оказали особенно важные услуги Ярославу (и были за это награждены впоследствии).

⁴ Вероятно, имеется в виду полотно, изготовлявшееся из крапивы и широко использовавшееся в Древней Руси для изготовления парусов. – *Примеч. ред.*

Варяги. Неизвестный художник

Под 1043 годом находим: «Рекоша Русь Володимеру (сыну Ярослава. – С.Л.): “станем zde, на поле”, а Варязи рекоша: “пойдем под град”. И послуша Володимер варяг». И отсюда вытекает, что Русь и варяги – совершенно различны. И это различие осуществлялось, начиная с Олега, который впервые столкнулся с Киевской Русью, и кончая Ярославом Мудрым (ум. в 1054 г.), когда самое имя варягов вовсе сходит со страниц русских летописей.

Норманисты склонны считать, что все эти приведенные упоминания о варягах касаются иностранцев-правителей, завоевателей или во всяком случае руководителей Руси, что исчезновение их с русского горизонта объясняется слиянием их со славянским населением страны. На деле же это не так: варяги существовали на Руси до тех пор, пока была нужда, в наемных войсках. Как только она исчезла, варягов перестали нанимать и имя их вышло из обихода на Руси.

Из отрывков видно, что: 1) варяги не были Русью, 2) организационной роли они не играли, а исключительно военную, 3) все время они были элементом отдельным, особым и 4) даже в военном отношении были не руководителями, а соучастниками.

Без сомнения, часть варягов (в особенности славянская) оседала на Руси и ассимилировалась, но это происходило в небольших размерах и заметного влияния не оказывало. Во всяком случае, оно совершенно несравнимо с тем, что произошло через 400–500 лет при московских князьях и царях, когда татарские, литовские и другие бояре и князьки переходили на службу Москве (в результате остались сотни чужих, неславянских фамилий). Варяги же не оставили никаких следов в этом отношении: в подавляющем числе случаев они по окончании контракта возвращались на родину. Итак, варяги – не Русь, прямые указания летописи были поняты неверно.

8. «И идоша за море к Варягом, к Руси. Сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии звутся Свие (шведы), друзии же Урмане (норвежцы), Англяне (англы), друзии Готе (готландцы), тако и си».

Разве отсюда не видно, что варягами назывался не отдельный народ, а группа северных народов, включая и англов? Понятие «варяг» носило сборный характер, означая не нацию, а профессию. Молодежь этих бедных природой народов продавала свою кровь за деньги, за профессию варяга, т. е. наемного воина. Из отрывка следует бесспорно, что посланцы северных племен отправились во всяком случае не к шведам, не к норвежцам, не к англам и не к готам, а именно к Руси. А нас уже несколько столетий уверяют, что посланцы направились в Скандинавию. Между тем никакого племени Русь в Скандинавии **ни одним источником не отмечено**. Летописец сказал: «за море», но это не означало – в Скандинавию. Поехать в Данию или Западную Германию означало тоже – «за море». И действительно, в Эрмитажном и других списках новгородского происхождения сказано: «И избрашася **от Немець** 3 браты с роды своими». Никогда жителей Скандинавского полуострова немцами славяне не называли. Это название применялось лишь к германцам материка. Да ведь и сказано «от Немець», а это значит всего-навсего «из Немецкой земли», но не «три брата немцы» (к этому мы еще вернемся). Таким образом, данные летописи показывают, что племя Русь надо искать где-то на материке, однако определенно не в Скандинавии. Увы, и этого не поняли историки и филологи.

9. «Реша Русь, Чюдь, Словени и Кривичи и вси: “земля наша велика”» и т. д.

В других списках сказано (и правильно): «Реша Руси...» Ведь посланцы направились к Руси и сказали ей (Руси) – далее следует перечисление племен пославших и то, что говорили посланцы.

Следует также исправить слово «вси». На первый взгляд кажется, что под этим летописец понимает «и все другие племена». Словно не желает затягивать перечисление племен. На самом же деле, как это видно из сравнения со многими списками, здесь упоминалось племя «весь». Наконец, нужно помнить, что в призвании князей Киевская Русь участия совершенно не принимала. Пример показывает, что даже, казалось бы, совершенно ясный смысл отрывка все же требует сличения всех списков. Этого не делали и не понимали верно то, что было сказано.

10. «И избрашася 3 братя с роды своими, пояша по себе всю Русь, и придоша».

Некоторые понимали дословно, что «Рюриковичи» переехали в Восточную Европу со всем племенем. Но нелепость переезда за море целого племени, переезда, технически в те времена неосуществимого, к тому же бесследного, никем не отмеченного, была настолько очевидной, что в конце концов от этого толкования отказались и сами норманисты.

К тому же в других списках тут стоит гораздо более понятное и естественное: «и пояша с собою дружину многу и предивну». Или похожие варианты.

Однако не следует забывать, что и выражение «пояша по себе всю Русь» может иметь совершенно иное понимание. «Пояша по себе» вовсе не означает «взяли с собой». Истинное значение угадывается из сравнения. Существует старинное выражение: «По мне – хоть трава не расти». Тут «по мне» и «для меня» в смысловом отношении почти равнозначны. В тексте «пояша по себе» можно прочесть как «взяли для себя» всю Русь, т. е. разделили между собой области княжения на Руси (что и было). Напомним, что выражение «избрашася 3 браты» еще не означает непременно «собрались», а «избрались», т. е. были избраны посланцами, распределили между собой границы правления и отправились в дорогу.

Мы привели 10 примеров (их можно привести больше) и считаем, что показали достаточно, что наши летописи и не понимались, с одной стороны, из-за недостаточного знания **древнего** русского языка, с другой – из-за отсутствия сличения с более хорошо переписанными списками, наконец – из-за непонимания вследствие предубеждений. Русская обществен-

ная мысль слишком уж поверила в непогрешимость историков, теперь приходится расплачиваться («*Mea culpa, mea maxima culpa*⁵!»).

⁵ *Mea culpa, mea maxima culpa* – лат., *моя вина, моя величайшая вина* – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков с XI в. – *Примеч. ред.*

Глава 2. Учтены ли в проблеме о варягах все данные летописей?

На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определенно: нет, не учтены. Вне поля зрения историков оказались два ряда источников, дающих часто весьма важные данные, дополняющие сведения «Повести временных лет»: 1) Воскресенская, Никоновская и др., 2) Иоакимовская и ряд других новгородских летописей, сообщающих не только то, **как** произошло призвание варягов, но и **почему** это случилось.

Просто загадочно, почему сведения, сообщаемые первой группой источников, не включены в историю. Они игнорируются без малейших объяснений. В комментариях к этим местам мы находим лишь трафаретное: «Происхождение источника этого сведения неизвестно». История в этом случае расписалась в своей несостоятельности.

Сведения, сообщаемые второй группой источников, объявлены «апокрифическими», но здесь по крайней мере дано, хоть и ложное, но все же объяснение. Причина игнорирования обоих рядов источников проста: приняв их во внимание, необходимо совершенно изменить наш взгляд не только на призвание варягов, но и на все начало Руси в эту эпоху. Смелости разрушить старые представления не хватило, ограничились повторением заученного.

Между тем большинство сведений, сообщаемых в первой группе источников, не подлежит ни малейшему сомнению (и по различным другим поводам они используются историками).

Если мы сравним «Повесть временных лет», т. е. Лаврентьевскую летопись, с Никоновской, Воскресенской и др., бросается в глаза, что в последних оказываются довольно мелкие подробности, например, что в Киеве в таком-то году был очень сильный дождь, что прилетела саранча и т. д., но в «Повести» они выпущены. Совершенно очевидно, что эти мелкие, почти ничего не значащие факты не явились позднейшими выдумками, вставками переписчиков, а выписаны из **протографа** или более полной основной летописи, которые были полнее «Повести временных лет». Составитель «Повести» пренебрег такими мелочами. Ну, в самом деле, зачем переписывать, что 300 лет тому назад в Киеве был очень сильный дождь, кому это нужно? Или что в таком-то году был убит болгарами сын Аскольда, о котором больше не упомянуто ни слова?

Сжатость изложения была, несомненно, некоторым плюсом, обеспечивавшим успех «Повести», но, с нашей точки зрения, многое, что казалось составителю «Повести» не заслуживающим внимания, имеет, оказывается, большой интерес. У современных энтомологов, – скажем, такой для историка пустяк, как налет саранчи. И смерть сына Аскольда говорит о многом: 1) о возрасте Аскольда (значит, в данном году он не был юношей), 2) о том, что намечалась целая династия Аскольда, 3) что последний воевал с болгарами.

В Никоновской летописи мы находим о призвании варягов следующее: «И по сем собравшеся реша о себе: “поищем межь себе, да кто-бы в нас князь был и владел нами; поищем и устави́м такового или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Воряг”. И бысть о сем молва велиа: овем сего, овем другого хотящем; таже совеща́вшася послаша в варяги». Это место чрезвычайно ценно: оно показывает тип работы составителя «Повести временных лет»: он не писал самостоятельную историю – он **сокращал протограф**. Поэтому теперь становятся понятными некоторые перескоки и шероховатости в изложении. Сокращая, он выбрасывал не только мелкие подробности, но и лишал изложение необходимой связи и полноты. Ему, читавшему оригинал, казалось все понятным в его изложении, а на деле оказывалось не то. Кое-что он, по-видимому, выбрасывал, и не только то, что считал неважным, но и то, что для него было неудобным: он производил цензуру протографа.

Приведенный отрывок дает чрезвычайно важные сведения. Прежде всего управление посредством князя отнюдь не являлось какой-то новинкой. Это была давно известная институция. Затруднение было в том, что князя не было.

Историки представляют дело так, будто до появления Рюрика с братьями в Древней Руси была аморфная масса людей, вообще без государственного строя. Шлёцер видел в наших предках полудикарей, живших наподобие зверей и птиц. Все это оказывается выдумкой: в середине IX в. новгородцы не только имели давний опыт княжеского управления, но и знали, что делается на Дону (Хазария), на Днепре (у полян), на Дунае (у тамошних славян) и даже в Западной Европе (у варягов). Стадия культуры у новгородцев была совсем иная, чем это представляли себе немцы, основоположники нашей историографии.

Дело с призванием князя обстояло гораздо сложнее, чем думали. Новгородцы не только послали к варягам, а сначала обсуждали, откуда им лучше всего раздобыть князя. Было предложение прежде всего избрать князя из своей среды. Это, очевидно, наткнулось на соперничество между местными группами и не решало междоусобного спора. Удовлетворяло всех лишь нейтральное решение – выбор чужого, который не имел никаких предубеждений, а мог судить справедливо.

Если бы речь шла о том, чтобы получить вообще высокоавторитетного князя, то проще всего было бы обратиться к Византии или Риму, но этого не сделали и об этом даже не думали, ибо нуждались не в чужестранце, который ничего не понимал в местных условиях, а в славянине, который знал веру, язык, право и обычаи, мог «судить их по праву». Нужно помнить, что функция князя состояла отнюдь не в руководстве войском (для этого существовали воеводы), а, главное, в управлении и судопроизводстве. Нуждались в умелом, разумном управителе и справедливом, знающем законы судье. Этим требованиям мог соответствовать только славянин.

Действительно, один из предлагаемых кандидатов был «от полян», т. е. из Киева. Были ли поляне в то время независимы или подчинялись хазарам, мы не ведаем, но совершенно ясно, что представляли для новгородцев некоторый интерес, ибо к племени, стоявшему ниже, новгородцы не обращались бы. Очевидно, Киевская Русь была уже тогда чем-то заметным, а может быть, и значительным.

В славянстве другого кандидата – «от дунайцев» вряд ли можно сомневаться, так как на нижнем течении Дуная, о котором только и могла быть речь, сидели лишь славяне. Очевидно, они были достаточно известны и импонировали Новгороду.

Третий кандидат был «от хозар». Хорошо известно, что на Дону и на Нижней Волге (Итиль) было много славян и они играли видную роль в жизни Хазарии. Очевидно, торговые сношения давали возможность новгородцам знать, что делается и в этом уголке Европы. Что речь и не могла здесь идти о чужом, т. е. настоящем хазаре, видно из того, что поляне того времени были под игом хазар. Но трудно представить себе, что новгородцы искали себе ярма. А ведь, избравши хазарина, они просто вкладывали свою голову в петлю. Ясное дело, что они выбирали себе князя, а не угнетателя. В Хазарии, где сходились различные торговые пути, они могли найти славянина, достаточно культурного, осведомленного и уже чем-то проявившего себя на поле общественной деятельности (скажем, судью в славянской части города Итиля и т. д.), но брат оттуда человека иного языка, иной веры и обычаев было нелепо.

Наконец, четвертый кандидат был «от варяг». Вряд ли приходится сомневаться, что и здесь речь шла о славянине (это будет в дальнейшем документально доказано). Вспомним, что понятие «варяг» очень обширное и ни с какой определенной нацией не связанное. Саксон Грамматик прямо говорит, что шайки, нападавшие на Англию, т. е. варягов, состояли из данов и славян. В западном углу Балтики в то время существовали еще видные славянские государства, и нет ничего удивительного в том, что новгородцы, тяготевшие к Балтийскому морю, знали их отлично.

Может, однако, появиться сомнение: зачем, после того как новгородцы только что избавились от ига варягов, они снова их призывают. Все объясняется просто: варяги, как это мы выяснили, были разные, в состав их входили скандинавы, германцы материка, славяне Прибалтики, финны и др. Прогнавши одних варягов, несомненно, чужих по крови, новгородцы могли искать князя и среди славян-варягов. Оказалось, что именно этот кандидат был избран. Как и почему это случилось, становится ясным из ряда Новгородских летописей, в первую очередь – Иоакимовской.

Иоакимовская летопись до нас не дошла. Но самая существенная часть ее, попавши в руки Татищева, была перепечатана в его «Истории» и тем вошла в обиход. Признание ее апокрифической совершенно неосновательно. Во-первых, кроме нее существуют еще Новгородские летописи с тем же самым в основном содержанием. А во-вторых, в ее содержании нет ничего легендарного и невероятного. Как и во всех летописях, во вступительной части содержатся сведения, почерпнутые из легенд. Но это участь всех летописей. Интересующие же нас сведения относятся ко времени деда Рюрика. Ко времени, от которого мы можем ожидать совершенно точных сведений. И действительно, сведения эти ничего фантастического в себе не заключают, вполне логичны и косвенно подтверждаются дальнейшими событиями.

Небезынтересно будет отметить, что самая полная Новгородская летопись, по содержанию в основном совпадающая с Иоакимовской, **до сих пор не опубликована**. Объясняется это тем, что Новгородские летописи намеренно отодвигались на задний план, содержание их подвергалось сомнению, ибо оно противоречило «Повести временных лет», которая стала как бы каноном историков.

Что составитель «Повести» игнорировал Новгородские летописи, вполне понятно: он писал историю Киевской земли, Южной Руси и, естественно, не имел желания и даже возможности уделять внимания и Руси Северной. Он совершенно недвусмысленно Рюрика, первого князя-варяга, **за русского князя не считает**. Его Новгород почти совершенно как таковой не интересовал, а лишь во взаимоотношениях с Киевской Русью. Поэтому он ничего не сказал, что было до Рюрика. Да и о самом Рюрике сказал меньше, чем знал. Это понятно.

Но как историки Руси, которых интересует уже вся Русь, а не только ее южное ядро, оставили без внимания историю Северной Руси, – это уже дело их совести. Мы же считаем, что тенденциозность их и несостоятельность их метода доказана этим бесспорно. Право же, как можно игнорировать Новгородские летописи, когда речь идет именно о событиях в Новгороде и излагаются они с детальным описанием времени, места, лиц и обстоятельств? Если эти события (допустим) неверны, это нужно доказать и отбросить их, дав этому обоснование. На деле же сведениями Новгородских летописей пользуются частично: берут, что нравится, а остальное отбрасывают, как негодное. Такой «научный» метод можно назвать только методом произвола.

Призвание князя – встреча князя с дружиной, старшинами и народом славянского города. Художник А. Д. Кившенко

Обратимся теперь к данным Новгородских летописей, которых насчитывается вместе с Иоакимовской 14. Оказывается, в Новгороде существовала династия князей, насчитывавшая ко времени призвания варягов 9 поколений. Прадед Рюрика, Буривой, вел долгую борьбу с варягами. В конце концов он был разбит на реке Кюмени, которая дальше веками служила границей с Финляндией, и вынужден был бежать в свои окраинные владения, а новгородцы подпали под иго варягов. Вот этот-то момент истории и был причиной того, что новгородцы платили варягам дань. И все же новгородцы недолго терпели иго варягов. Они выпросили у Буривой его сына Гостомысла, т. е. деда Рюрика, и, когда тот явился, подняли восстание и варягов прогнали (но не этот момент был выдворением варягов, упомянутый в «Повести временных лет»). Началось долгое и славное княжение Гостомысла, о котором в «Повести» по причинам, о коих мы скажем впоследствии, не сказано ни слова.

У Гостомысла было четверо сыновей и три дочери. Все сыновья погибли: одни умерли от болезней, другие были убиты на войне, не оставив наследников мужского пола. Дочерей Гостомысл, согласно законам того времени, выдал замуж за разных заморских князей. К концу жизни Гостомысл оказался без наследника, что его очень тревожило. Он обращался к разным кудесникам, те успокаивали его, говоря, что у него будет наследник от его корня. Гостомысл недоумевал, ибо настолько был стар, что жены его уже детей не рожали. Здесь в изложении летописи вступает элемент чудесного: Гостомыслу, мол, приснилось, что из чрева его средней дочери Умилы выросло большое дерево, плодами которого питаются люди его страны. Об этом сне-предсказании было сообщено народу, который остался этим доволен, ибо сын старшей дочери Гостомысла почему-то не был угоден народу (далее мы догадаемся – почему).

Татищев еще в первой половине XVIII в. высказал дельную мысль, что вся эта история со сном была выдумана самим Гостомыслом. В древности, как известно, сновидениям придавали

огромное значение. В снах видели веления богов. Существовала даже особая, высокочтимая профессия толкователей снов.

В положении Гостомысла решение о престолонаследии являлось само собой: если мужская линия угасла, можно было восстановить династию по женской линии, взяв внука от дочери. Такая операция совершается по сей день. Затруднение, однако, было в том, что правом наследования обладал внук от старшей дочери, не любимый народом. Гостомысл обошел это затруднение, сославшись на вещий сон. Но намерение Гостомысла при его жизни не было осуществлено. Поэтому после его смерти начались неурядицы из-за отсутствия князя (этот-то момент и отмечает «Повесть временных лет» как начальную точку русской истории; на деле же это было далеко не начало).

Теперь становится понятным, почему выбор пал на «варягов» и выбранными оказались Рюрик, Синеус и Трувор: решение склонилось в пользу исполнения совета покойного, любимого и уважаемого всеми Гостомысла. Таким образом мы избавляемся от нелепости, что посылали к чужим, за чужестранцами. Посылали за внуками своего умершего князя, к тому же (увидим ниже) за славянами и по отцу. Старшая дочь Гостомысла была уже замужем; вероятно, за князем не славянином, поэтому старший внук и не нравился народу.

В свете сказанного становится понятным, почему посланцы говорили варягам-братьям «да пойдете», т. е. обращались во множественном числе: все трое были законными наследниками старого, умершего князя; однако Рюрик как старший брат главенствовал. Проясняется, почему братья «попяша по себе всю Русь», т. е. разделили между собой всю Русь, – потому что они имели на то право, а государство настолько велико, что требовало при тогдашних путях сообщения нескольких князей. Трое братьев-князей были особо удачным решением посланцев: каждая значительная часть Руси получала по князю.

Ипатьевская летопись говорит, что по смерти братьев Рюрик «прия власть всю един». Отсюда следует, что братья были не его ставленниками, как это случилось далее с его воеводами, а равноправными князьями.

Итак, мы видим, что Новгородские летописи исчерпывающим образом разясняют все недоумения в связи с призванием варягов-князей. Спрашивается: почему же «Повесть временных лет» об этом умолчала и, добавим, злонамеренно? Понять очень легко: южный летописец не только мало интересовался тем, что было на севере, но и отражал интересы правящей династии в Киеве. Если рассказать все о Новгороде – это значит показать, что Новгород древнее Киева на века. Что династия пришла оттуда. Что династия была там тоже веками. Иначе говоря, показать, что столице надо быть в Новгороде, а не в Киеве. Новгород всегда настаивал на своей самостоятельности и имел ее не только в продолжение Киевского, но и значительной части Московского периода. Лишь Иван Грозный окончательно сломил самостоятельность Новгорода и превратил его в обычный областной город.

Чтобы устранить опасность соперничества между Новгородом и Киевом, разделения государства надвое, необходимо было устранить базу для такого соперничества. Это было достигнуто тем, что южный летописец отбросил историю Новгорода, а Новгородские летописи были отодвинуты в тень. Каноном были признаны южные летописи.

Замечательно, однако, то, что протограф русской летописи был, вероятно, написан в Новгороде, вполне возможно, самим епископом Иоакимом, просветителем новгородцев и человеком, несомненно, очень образованным. Составитель «Повести временных лет» сокращал летопись Иоакима. Отсюда пошли перескоки и шероховатости летописи, о чем уже мы говорили. «Повесть» начинается внезапно, совершенно необоснованно. Вдруг появляются князья, варяги, дань и т. д. Рюрик как будто падает с неба на поле истории. Об отце его или деде ни слова – это понятно: сказать о них что-то означало выпустить kota из мешка. Составитель «Летописи» скомкал, испортил связный рассказ летописи, выбросил совершенно Гостомысла

и т. д. Он дал понять, что, мол, все предыдущее покрыто туманом неизвестности. А между тем туман-то был выпущен им самим.

Но в дальнейшем он проговаривается, и его можно поймать на том, что ему было известно гораздо больше, чем он сказал (об этом мы пока умалчиваем, ибо это отвлекло бы нас слишком в сторону). Истинное значение Иоакимовской летописи было показано пишущим эти строки еще в 1955 г., но советские историки до сих пор склонны рассматривать «призвание варягов» как «ходячий сюжет», как легенду, не имеющую исторических оснований. Вследствие этого не только Рюрик, но даже отчасти Олег и Игорь признаются почти легендарными. Здесь советская историческая наука совершила огромную и непростительную ошибку: у Северной Руси отнято ею несколько веков действительного, исторического существования, которое подтверждено блестящими археологическими находками. Более того, советская историческая наука дала себя провести не слишком-то уж и ловкому монаху, сделавшему свое дело достаточно белыми нитками.

Все вышеизложенное показывает, что летописи не только недостаточно точно понимались, но и не все они изучались и сравнивались. Неудивительно, что не были приняты во внимание и другие очень важные дополнительные источники, с содержанием которых мы познакомимся ниже. Эти источники были оглашены давным-давно, но содержание их игнорировалось, ибо все считалось решенным окончательно и безапелляционно, хотя нелепости нашей истории криком кричали.

Если в прошлом все объяснялось косностью мысли, административным давлением, не позволявшим отходить от канона, то после 1917 г., когда норманская теория была объявлена «ненаучной», казалось бы, все пути были открыты для восстановления истины. А прогресса не последовало. И можно догадаться – почему. Об истории Древней Руси кое-что писали «классики марксизма». Следовательно, здесь поставлена граница знанию советскому историку: коль скоро его выводы основаны на фактах, не известных классикам марксизма, они не будут признаны, а объявлены «ревизионизмом». Кому охота носить этот ярлык? Поэтому советские историки тщательно обходят все вопросы, которые могут поставить их в конфликт с «классиками».

В советской исторической литературе, на исторических съездах, совещаниях и конференциях не раз уже поднимался вопрос о мелочности задач, разрешаемых советскими историками, в постановлениях прямо указывалось на крохоборчество, на отсутствие даже попыток решать крупные исторические проблемы. Даже само ниспровержение норманизма произошло не так, как это следовало бы сделать, т. е. после солидного разбора всех деталей, выяснений всех этапов борьбы и формальных пунктов постановлений. Сделали все по формуле: «слушали – постановили». Постановление есть, а самого разбирательства не было. Хотя советские ученые, в особенности археологи, сделали очень много в борьбе с норманизмом, борьба эта осталась как бы повисшей в воздухе: нет ни одной солидной работы советского историка, где теория норманизма была бы проанализирована по всем пунктам и опровергнута. Равным образом совершенно не освещена вековая борьба антинорманизма и норманизма.

В результате всего этого западная историческая наука совершенно игнорирует выводы советской науки, ибо наука движется не декларациями, а тщательным взвешиванием всех «за» и «против». Это не сделано. И главным образом по вине советской исторической науки, естественным долгом которой является вынесение спора на международную арену.

Глава 3. Существовало ли германское племя Русь?

Если на западе когда-либо существовало германское племя Русь, то мы, естественно, должны найти данные о нем в западноевропейских источниках. Ни Плиний, ни Тацит, ни Птолемей не упоминают никакого племени Русь на материке Европы. Историк середины VI в. Иордан перечислял племена, живущие в его время в Скандинавии (их насчитывалось там 27), племени Русь среди них не называет.

Древненемецкие хроники, захватывающие по крайней мере 100 лет до времени «призвания варягов», т. е. до второй половины IX в., и несколько дальнейших веков, также ничего не говорят о германском племени Русь. А между тем оно должно было где-то жить, занимать определенную область, с кем-то воевать, входить в самые разнообразные политические, торговые, религиозные и иные отношения, оставить след в истории.

Если о Руси на востоке во второй половине IX в. мы знаем очень мало, то о Руси этого времени на западе не могли не сохраниться сведения, ибо речь не о чем-то малом, незначительном, а о целом племени, которое создается веками и состоит из многих тысяч людей.

Племя, сыгравшее такую огромную роль в судьбах всей Европы, не могло оказаться без истории. Забыться могло лишь племя, стертая в исторической борьбе, но не возглавившее в IX в. одно из самых крупных государств Европы. Ведь речь идет не о коротком эпизоде в несколько лет, а об эпохе в сотни лет, если верить норманистам.

Странное дело: о германской Руси ни до Рюрика, ни в его эпоху, ни, наконец, вплоть до смерти (1054) Ярослава Мудрого во всей западноевропейской литературе **нет ни одного упоминания**. Ни единого. Все, что известно там, основано на данных, взятых из русских источников. После же Ярослава Мудрого варяги совершенно сходят с поля зрения истории. Это – факт крупнейшего значения, на который до сих пор не обратили должного внимания. Не могло же быть, что в вековых сношениях Востока с Западом Восток, менее культурно развитый, кое-что сохранил в памяти, а Запад, с его многовековой культурой, – решительно ничего.

Не следует упускать из виду, что потеря хроник, исторических актов и т. д. еще не означает потери прошлого: существуют еще родовая память, народная память, наконец, исторические легенды.

Если на востоке Европы вокняжилась династия Рюрика, то этот факт касается не только его, но и всего его рода. Род это помнит, им гордится и, при случае, этим пользуется, т. е. предъявляет свои права на престолонаследие и т. д. В смутные времена (а их на Руси было немало) всегда имеется борьба партий, выдвигающих разных кандидатов. В этих случаях всякие младшие и боковые линии династии выдвигают своих представителей. Всякие восстания, смуты и прочее обычно связаны с такими претендентами. Но вот замечательный факт: за всю историю Руси ни разу ни один кандидат боковой линии германской Руси не предъявлял своих прав на власть в Руси.

Обычно такие претенденты появляются на сцену при поддержке государств, подданными которых они являются. Ни прогнанные варяги, ни родственники Рюрика на Западе ни разу не выступали со своими правами во время войн Новгорода со шведами и вообще «варягами». И в дальнейшем Русь при заключении различных договоров, когда всплывают вековые претензии и контрпретензии, с подобными заявлениями прав не встречалась. Это показывает, что на Западе не было никого, кто мог бы подобные права предъявить, у династии Рюрика связи с Западом не было.

Единственным источником Запада, сохранившим память о древних сношениях с Русью, являются скандинавские саги, но в них нет ни малейшего упоминания о германской Руси. Более того: в них нет ни слова о руководящей роли варягов на Руси. Всюду они выставлены как простые наемники, живущие на жалованье по контракту и совершенно изолированные от

населения. В этих сагах, заключающих в себе много элементов настоящей сказочности, можно было ожидать возвеличения варягов, этого же нет.

Об Эймунде, добившемся, согласно саге, княжения в Полоцке, сказано, что он получил это место с «соизволения Ярослава и Ингигерды». Иначе говоря, он был простым ставленником Ярослава, который сегодня княжит, а завтра его нет.

Итак, западный мир о германской Руси не имеет никаких данных. То же самое относится и к восточному миру, т. е. к арабским и персидским писателям. Если мы проанализируем их данные, то увидим, что арабский мир никаких норманов или германцев на востоке Европы не знал. И это понятно: Скандинавия была для арабов «terra инкогнита», отделенная тысячами километров малоизвестных и труднопроходимых дорог.

Если бы на востоке Европы существовали норманны-завоеватели, арабский мир не мог этого не знать – ведь хазары были соседями руссов и вообще славян Восточной Европы, причем в самой Хазарии жило очень много руссов.

Не могли восточные писатели не знать и торговцев-норманов, существуй они в действительности. Но о них нет решительно никаких упоминаний. Наоборот, Хордадбег (заметьте, в 40-х гг. IX в., т. е. до Рюрика) говорит: «Что же касается пути купцов Руси, а **они принадлежат к славянам**» и т. д.

Иначе выражаясь, имя «Русь» для купцов Восточной Европы было известно еще до Рюрика, и эти русские купцы были славянами.

Надо иметь в виду, что представления историков о торговле в Древней Руси совершенно не соответствуют действительности. Вся внутренняя торговля в Восточной Европе осуществлялась самими восточнославянскими племенами. И лишь на рубежах купцы славян сталкивались с иностранными. Те иностранные купцы транзитной торговлей не занимались и не могли заниматься в силу состояния тогдашних путей (подробнее об этом – ниже). Древняя Русь была непроницаема для торговли иностранных купцов.

Арабы знали и различали только «руссов» и «славян», представителей двух крупных восточнославянских государств. Вместе с тем им было ведомо, что эти народы – одного корня. Хордадбег прямо и недвусмысленно говорит, что «царь славян называется княдз или канназ» и что «купцы руссов принадлежат к славянам». Аль-Джай-гани подмечает, что «руссы состоят из трех родов: 1) из руссов (...), 2) из славян (...) и 3) артанцев». То же повторяют Ибн-Хаукаль и Идриси.

Под «руссами» они разумели граждан Киевской Руси, где имя Русь употреблялось задолго до появления Рюрика, а под «славянами» – граждан Новгородской Руси, которые называли себя «словенами». Государство «словен», или Новгород, арабы именовали «Славония». Если взять это за основание, все высказывания восточных писателей оказываются ясными и точными, не вызывающими никаких недоумений. Никаких германцев-норманов арабы не знали. Они знали только представителей двух славянских государств. Если путаница и была, то она и понятна, и легко объяснима: у одних писателей руссы включают себя в славян, у других славяне себя – в руссов. Это объясняется тем, что политически то «славяне» (Новгород) верховодили над «Русью», то «руссы» – над «Славонией». Этнически это был один народ, а политически – два.

Если мы ознакомимся с описанием одежды, обычаев, образа жизни у руссов и славян, то мы увидим, что они были почти одинаковы. А главное – совершенно отличны от обычаев германских племен.

Вся ошибка прежних комментаторов заключалась в том, что они приняли как символ веры, что руссы – это германцы. Между тем религия, обычаи, весь уклад жизни восточных славян были совершенно иными, чем у германцев. Наконец, не поняли, что физически германцы не могли торговать, идучи из Скандинавии в Каспийское море: не существовало такого товара, который мог окупиться на тысячеверстном пути.

Что касается Византии, то и она познакомилась с настоящими варягами-германцами значительно позже, через посредство Руси, пропускавшей в Византию отряды варягов, которые ехали наниматься на службу в Царьград.

Из всего вышесказанного вытекает, что ни один западный источник не знает германской Руси. Не имея исторических данных, норманисты старались найти подтверждение своим идеям в... филологии. Указывали, например, на существование области Рослаген в Швеции и видели в этом имени намек на существование там германской Руси.

Как оказалось же, имя это вошло в употребление в Швеции только с... XIV в., не говоря уже о том, что корень искомого слова – не «рос», а «рус», ибо «Россия» – это грецизированная форма исходного корня «рус».

Далее. В том, что финны называли шведов «руотси», узрели доказательство того, что германское племя Русь передало свое название северным славянам, – предположение, поражающее своей нелогичностью.

Во-первых, «Русь» и «руотси» не одно и то же. Тождественность их надо еще доказать, а во-вторых, похожие названия – еще не доказательство их тождественности. Существовало, например, государство франков, но это не значит, что это были французы.

В-третьих, шведы сами себя «руотси» не называли и не могли передать своего прозвища, ибо его не употребляли. В-четвертых, финны отлично знали разницу между шведами и славянами. И называли последних и называют донныне «венаа⁶».

Как могут существовать подобные «аргументы» в XX в. в научном обиходе, понять невозможно. Все эти и подобные им филологические «доказательства» – плод нелепейших фантазий, позорящих и филологическую, и историческую науку, поэтому от рассмотрения их мы отказываемся.

Подобные попытки не могут скрыть главного: источники Запада не знают германской Руси совершенно, и это понятно, ибо **германская Русь никогда не существовала**.

Зато западноевропейские источники сохранили множество сведений о существовании **на Западе славянского племени Русь**. Это племя располагалось там до 1168 г., когда оно окончательно было покорено германцами, исчезло с поля истории и было забыто.

Однако русская летопись в 1113 г. знала о существовании в юго-западном углу Прибалтики среди других варягов и племени Русь. И, чтобы не дать подумать, что речь идет о варягах-германцах, добавила: «к Руси». Что именно эта Русь была славянами, мы узнаем из «Жития» епископа Оттона Бамбергского, первокрестителя поморских славян.

Два обстоятельства позволили имени западной Руси скоро там утратиться: 1) уничтожение самостоятельности племени, подчинение его германцам и 2) существование других названий, употребляемых в отношении их.

Особенно важную роль играло имя «руги». Это очень древнее имя: уже Тацит в 98 г. н. э. упоминает его, и именно в этом углу Прибалтики. Современный остров Рюген на самом деле называется «Ругин⁷», ибо был населен ругами. Жили руги также на материке поблизости.

Что руги и русины одно и то же, показано не только в «Житии» Оттона Бамбергского, но и косвенно очень древними немецкими хрониками. Они, например, называют княгиню Ольгу не «регина руссорум», а «регина ругорум». В славянстве же княгини Ольги сомневаться не приходится, принимая во внимание в особенности недавно найденный отчет легата, присутствовавшего в 957 г. в Царьграде на приеме княгини византийским императором. Там прямо сказано, что она «из славянского племени кривичей».

⁶ Это финское название, видимо, – того же корня, что и «венеды (венеты)», упоминающиеся уже у античных авторов. Многие германо-скандинавские авторы со времен Средневековья называли «вендами» всех славян, прежде всего, балтийских. – *Примеч. ред.*

⁷ В некоторых средневековых источниках – Ругия. На этом острове находился священный город балтийских славян – Аркона. – *Примеч. ред.*

Другим синонимом древних руссов был «русины». Русские летописи, говоря о людях, называли их «русин», «русины», а землю их – «земля Руська». В латинской транскрипции писалось это – «рутены», что удержалось в немецком языке до настоящего времени. На этом языке жители Карпат – славяне – называются «рутены». А язык их – «рутениш».

Славянство ругов не подвергается никакому сомнению, если принять во внимание Адама Бременского, Титмара, Гельмольда, Саксона Грамматика и др. В древних немецких хрониках, актах, письмах мы нередко встречаемся с именами «руззи», «руцци», «рустици» и т. д. Все они касаются славянского племени руссов, ибо свидетельство этого (прямое или косвенное) всегда имеется рядом – в текстах. Мы не останавливаемся на этом подробно, ибо тема эта будет нами разработана особо в другом месте.

Таким образом, вековая загадка разъясняется просто и исчерпывающе: посланцы новгородских и других северных племен были направлены к варяжскому племени Русь, жившему в западном углу Прибалтики. Эти варяги были славянами. За князем этих славян была замужем дочь новгородского князя Гостомысла – Умила. За ее сыновьями, чтобы возобновить угасшую по мужской линии династию Гостомысла, и явились посланцы. Это племя Русь иначе называлось еще ругами. В конце XII в. руги были покорены германцами, и имя «руги» (а равно и «рутены» или «русины») совершенно исчезло с поля истории и было забыто. Столетиями позже придумали германское племя Русь, чтобы как-то понять слова летописца и удовлетворить шовинистические чувства немецких ученых, призванных создавать русскую науку.

Однако истину не упрямь: на Западе остались следы «призвания варягов», но они были потеряны. В 1956 г. пишущий эти строки обратил внимание в газетной статье, а затем, в 1957 г., в 6-м выпуске «Истории руссов» на неопубликованную находку Ю. П. Миролюбова. Оказывается, имеется книга француза Мармье «Письма о севере» (X. Marmier. «Les lettres sur le Nord»⁸), изданная им в 1840 г. в Париже, а затем в 1841-м в Брюсселе. Этот французский исследователь, не имеющий, к слову сказать, никакого отношения к спору антинорманистов с норманистами, во время посещения им Мекленбурга, т. е. как раз той области, откуда был призван Рюрик, записал среди песен, легенд, обычаев местного населения также и легенду о призвании на Русь трех сыновей князя славян-ободричей Годлава. Таким образом, еще в 1840 г. среди онемеченного населения Мекленбурга легенда о призвании бытовала. Призвание варягов запомнили не только на Востоке. Помнили и на Западе, откуда вышли.

Конечно, призванные варяги ничего общего со скандинавами не имели. Не были они и германцами. Иначе память о происшествии давно уже была бы официально закреплена. Сохранилась она в завуалированной форме, потому что касалась не победителей, а побежденных.

Имеется еще один глухой источник об этом же событии. К сожалению, этой редкой книги автору еще не удалось найти. Но нет сомнения, что она не в единственном экземпляре. Книг должно быть больше. Не находили, потому что не искали.

Из всего вышесказанного вытекает, что роль варягов в истории Руси была совсем другая, чем до сих пор думают. Прежде всего призванные варяги были славянами, явились только три брата со своей дружиной и не могли оказать никакого особого влияния в силу своей малочисленности и национальности: они немедленно растворились в местном восточнославянском море. Варяги же неславяне принимались время от времени на военную службу и также не оказали никакого влияния из-за своей малочисленности, подчиненности и изолированности от населения (им не доверяли и их сторонились).

Чтобы разъяснить все возможные недоумения, остановимся еще на отрывке в «Повести временных лет»: «В лето 6367. Имаху дань варязи из заморья на чюди, и на словенех, на мери и

⁸ Ксавье Мармье (1808 или 1809–1892) – французский писатель и путешественник, профессиональный исследователь и переводчик литературы североевропейских народов. Помимо Западной Европы бывал в России, в Арктике, в Африке, Северной и Южной Америке. Указанная книга носит название «*Lettres sur le Nord: Danemark, Suède, Norvège, Laponie et Spitzberg*» («Письма о Севере: Дания, Швеция, Норвегия, Лапландия и Шпицберген»). – *Примеч. ред.*

на всех (следует читать “и на веси”. – С.Л.), кривичех. А козари имаху на поленех, и на северах, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма». Так как писали сплошняком, а буквы «и» не употребляли, то сплошняк был разбит неверно – следовало бы: «по белей веверице».

«Белая веверица», как мы выяснили (см. стр. 1141 нашей «Истории руссов»), – это не белка, как думали раньше, а горноста́й. Цена белки в качестве дани смехотворно низка, соболя же или горноста́я – нечто весьма существенное.

Из отрывка видно, что составитель «Повести» слил в одно совершенно разные действия: выплату дани чужеземцам как на севере, в Новгороде, так и на юге, в Киеве. Нет ни малейшего сомнения, что уплата дани началась не с 6367 г. (в переводе на наше исчисление с болгарского – 867 года), а раньше. И не одновременно и на севере, и на юге. Тем более что платили дань совершенно разным народам. Наверное, можно сказать, что и величина дани была неодинакова.

Составитель вынужден был начать историю с изгнания варягов, чтобы начать хоть как-то. Поэтому он начал с уплаты дани, чтобы оправдать изгнание варягов. Нет ни малейшего сомнения, что в источнике, которым он пользовался, было сказано о начале Руси гораздо больше. Но это начало не касалось Киевской Руси. А поэтому он его отбросил, скомкавши изложение.

Так как несколько ниже в летописи находили: «В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети», – то делали вполне логический вывод, что варяги жили, господствовали на Руси и брали дань, а в 870 г. их прогнали и дани больше не дали.

Однако это противоречит данным Новгородских летописей, согласно которым дань варяги брали еще до Гостомысла и были они в Новгороде короткое время, пока Гостомysl их не выдворил. Историки решили вопрос просто: отбросили данные Новгородских летописей, а между тем и в южных летописях существуют списки, в которых говорится иное. Карамзин (1, прим. 114) приводит такой вариант летописи: «В лето 6368, 6369, 6370, быша Варязи из заморья, и не даша им дани, и почаша сами себе володети».

Следовательно, варяги из заморья только приезжали за **данью**, но дани им не дали и прогнали. «Das ist eine ganz andere Geschichte!»⁹ Заморские варяги, узнав, что Гостомysl умер, что власти нет, что происходят неурядицы, решили воспользоваться удобным случаем и возобновить получку дани. Но посланцев прогнали. Теперь понятно, почему нет ни слова об изгнании варягов из Руси. Если они были здесь, надо было изгнать их силой из их опорных пунктов. Необходимо было вооруженное восстание, кровопролитие и т. д., о котором летопись не могла умолчать. Кто-то руководил восстанием. Варяги как-то сопротивлялись и проч. На деле же в летописи – ни слова об этом. Почему? Да потому, что ничего этого не было. Не было кого прогонять из Руси. Варягов прогнал еще Гостомysl. А теперь, после его смерти, выдворили **сборщиков дани**, явившихся из-за моря погреть руки.

Таким образом, данные и северных, и южных летописей совершенно сходятся и истина восстанавливается.

Слова «и почаша сами в себе володети» вовсе не относятся к варягам (мол, сбросивши их иго, северные руссы стали сами управляться), а к тому, что Гостомysl умер и северные руссы, оставшись без князя, вынуждены были управляться сами.

Но так как составитель «Повести» по высказанным выше соображениям Гостомысла выбросил, то слова эти отнесли к варягам, которых уже на Руси давно не было.

На этом мы изложение прямых данных истории закончим. Все они приведены в строгую логическую связь и доказывают, что германская Русь никогда не существовала. А те руссы, которые пришли, были славяне. Так как сторонники норманской теории видят отражение влияния норманов-варягов на Руси буквально во всех областях ее жизни, то мы займемся далее и

⁹ С нем. – это совсем другая история. – *Примеч. ред.*

рассмотрением всех косвенных доказательств норманистов и покажем, что все они – сплошное недоразумение.

Глава 4. О косвенных доказательствах норманистов

Какую бы роль ни приписывали норманам – завоевателей или организаторов и культуртрегеров, мирных поселенцев либо торговцев, – все равно за несколько веков (как принимают норманисты) они не могли оказать существенного влияния на религию руссов. Во всяком случае, должны были остаться какие-то письменные, вещественные или бытовые следы. К этому мы и переходим.

Религия. В истории не известно ни одного факта чтобы кто-то среди руссов исповедовал бы религию Одина, Тора, Фрейи и т. д. Нет ни одного известия, что кто-то из норманов пытался (что так естественно) перевести руссов в свою веру. Нам не известно ни одного столкновения между норманами и руссами на религиозной почве. Нет никаких вещественных следов культа скандинавских богов (надписей, предметов религиозного культа, письмен и т. д.), что при вековом (якобы) пребывании норманов на Руси является совершенно необъяснимым.

Мы знаем, что при заключении договоров с греками руссы клялись славянскими богами – Перуном и Велесом, варяги-христиане в церкви – святым Илией, но ни один не присягал перед ликом скандинавских богов. А между тем ясно, что греки, заключая договор, не могли связать клятвой скандинавов, когда те играли, как принято считать, видную, если даже не руководящую роль в войске руссов.

Даже норвежец Олег, первый русский князь в Киеве, прозванный «вещим Олегом», клялся славянскими богами. Значит, он плыл в фарватере славянской стихии.

Далее отметим характерную черту клятвенного обряда. Олег и его воины клялись на славянский лад, кладя обнаженный меч на землю. Германские же народы при клятве вонзали меч в землю.

Мы знаем, что Владимир Великий пришел к власти в Киеве, опираясь главным образом на вывезенное из заморья войско варягов. Под влиянием этого войска богам стали приносить человеческие жертвы, воздвигать кумиры. Но первый кумир, возведенный Владимиром, был не Тор или Один, а **Перун**, который назывался западными славянами Перкуном. Следовательно, варяги Владимира поклонялись славянским богам.

Присяга Олега и дружины перед языческим идолом. Радзивилловская летопись

Могут возразить, что скандинавы не распространяли религии Одина потому, что были христианами. Если мы обратимся к источникам совершенно нейтральным, увидим, что христианство в Скандинавии укрепились почти на 100 лет позже, чем в Киеве, хотя некоторые скандинавы и были уже христианами.

Кроме того, христианство пришло на Русь с юга, православное, а не с севера – католическое. Тенденциозные попытки убедить, что Владимир Великий был католиком, абсолютно лишены каких бы то ни было оснований. Это доказывается и тем, что Владимир причислен к лику святых в православной, а не в католической церкви.

Равным образом нельзя видеть в Олафе Тригвиссоне лицо, убедившее Владимира креститься, и уже потому, что сам Тригвиссон крестился на 5 лет **позже** Владимира, как это видно из англосаксонских хроник.

Довольно многочисленные посольства римских пап на Русь в течение значительного отрезка времени показывают, что папы все время стремились отколоть Русь в сторону Рима. Следовательно, христианство пришло на Русь не через северных варягов-католиков.

Из всего сказанного видно, что норманы-германцы не оказали ни малейшего влияния на религию Руси и нет никаких данных, что они пытались это сделать, – **обстоятельство, совершенно не объяснимое норманской теорией.**

Обряд погребения. Не менее показателен также обряд погребения у древних руссов, хотя в деталях он у разных славянских племен и в разные эпохи отличался, все же основная суть его всюду сохранилась – это трупосожжение. Лишь с введением христианства он постепенно прекратился. Арабские писатели оставили нам немало описаний этого обычая. Особенно в связи с тем, что у славян существовал обычай добровольной смерти жены после смерти мужа. Ибн-Дада, писавший между 903 и 912 г., говорит, что жена кончала с собой петлей. Существовал и другой вариант смерти: в могилу клали живой жену и тела обоих сжигали. Упоминание

об этом обычае мы находим и в русских былинах. По Ибн-Фодлану, который был свидетелем этого обычая, убитой и сожженной могла быть и любая женщина, добровольно согласившаяся уйти вместе с покойником в другую жизнь.

Масуди, писавший между 920 и 950 г., сообщает также о добровольной смерти вдов у славян и руссов, т. е. у новгородцев и киевлян. О том же самом сказал и Мискавейхи (ок. 980 г.), описывая события в связи с захватом руссами г. Бердаа в Закавказьи.

Обычай этот засвидетельствован на протяжении многих столетий: для славян Маврикием (VI в.), Бонифацием (VIII в.), анонимом – персидским географом (982), Дитмаром (XI в.) и др. Этот обычай сжигания трупов, а особенно добровольной смерти жены, у германцев совершенно отсутствовал. Во избежание недоразумения здесь уместно сказать, что в так называемой «Германии» не все племена были германцами. Были и славяне, и кельты, и финны, и другие племена. Поэтому обычаи славян нельзя распространять на всех «германцев».

Новейшие исследования (Соловьев, 1956)¹⁰ показали, что у кривичей были «длинные курганы, содержащие останки многих трупосожжений». У вятичей – «курганы с деревянными камерами внутри ограды, также с сожжением умершего, представляющие собой миниатюрные домики мертвых, заключенные в курганный насыпь». У северян были «поля погребальных урн» с прахом от сожжения покойных. «Поля погребений несколько иного типа на Днепре и Припяти принадлежат, вероятно, дреговичам».

Погребение знатного руса. Художник Г. И. Семирадский

Таким образом, в особом типе погребений у восточных славян, совершенно отличном от скандинавского, мы находим свидетельства, не вписывающиеся в норманскую теорию. А то обстоятельство, что скандинавского типа погребений на территории Древней Руси вообще не найдено, совершенно не объяснено этой теорией.

¹⁰ Лев Николаевич Соловьев (1894–1967) – советский историк, специалист по славянской и северокавказской археологии. Данную работу его при подготовке книги к печати отождествить не удалось (архив ученого погиб в Абхазии во время грузино-абхазской войны). – *Примеч. ред.*

Законодательство. В Древней Руси оно было оригинальным. И весьма древним. Попытки найти в «Русской Правде» отголоски скандинавских законов бесплодны и необоснованны. Норманист Соловьев, автор многотомной истории России, вынужден был признать, что в законодательстве Древней Руси нет ни малейших следов влияния скандинавов.

И это вполне понятно, ибо свод русских законов, «Русская Правда», был написан по крайней мере на 100 лет раньше, чем какой-нибудь скандинавский. А в написанной форме существовал еще в IX в. – на него ссылается в договоре с греками Олег в самом начале X в.

Если в каких-то местах «Русской Правды» и можно усмотреть некоторые аналогии с законами, существовавшими в Западной Европе, то это вполне понятно: сходные условия существования порождали и сходное законодательство.

Кроме того, не следует забывать, что в IX в. славянство еще прочно сидело на Эльбе и что вся центральная часть Европы была тогда в славянских руках. Есть основания предполагать, что «Салический закон», распространенный на Западе, в значительной мере отражал обычное право славян. В нем даже попадаются славянские слова, взятые из обихода. Следовательно, Русь могла испытывать влияние и других славянских народов, с которыми граничила и находилась в династических, торговых и культурных связях. Скандинавия же оставалась совершенно в стороне.

Надо помнить, что новейшие исследования и данные показывают, что Киевская Русь была только восточной частью племени Русь, сидевшего издревле в Западной Европе, и, естественно, должна была иметь законы и обычаи, общие для всего племени.

Некоторые исследователи до сих пор пытаются увидеть в одном из постановлений «Русской Правды», предоставляющем варягам возможность обходиться в суде меньшим количеством свидетелей, чем руссы, признак привилегированного положения варягов. Вывод этот совершенно ложен: русский закон вовсе не давал варягам преимущества, он только справедливо сравнивал шансы спорящих сторон. Как мог закон требовать от чужестранца 7 или 12 свидетелей, когда всех-то иноземцев в момент совершения несправедливости было меньше этого числа?

Нельзя было ставить на одну доску русина, рожденного здесь и имеющего толпу родных, друзей и знакомых, и чужестранца, которого, конечно, знали меньше и который мог знать весьма ограниченное число людей. Русский закон предоставлял иностранцу в судебном споре равные возможности, и это было справедливо. Ни о каких привилегиях варягам здесь не может быть и речи. Все это касалось всех иностранцев, и если были упомянуты варяги, то только потому, что они были гораздо чаще на Руси, чем другие. Если бы варяги имели какое-то преимущество перед лицом закона, то это было бы непременно отражено и в других статьях, а не только в количестве свидетелей. Предпочтения не могло быть уже и потому, что это было бы против духа самого закона. Будь оно – оно было бы отражено в первую очередь в размере наказания или увечья, причиненного варягу, а этого нет.

Далее, в «Русской Правде» имеются основные черты законодательства, совершенно чуждые скандинавскому. Смертная казнь, как правило, заменялась высоким денежным штрафом. Попытки вообще не применялись.

Береговое право, господствовавшее во всей Западной Европе, согласно которому потерпевшие крушение становились со всем своим имуществом собственностью владельца берега (старавшегося, к слову сказать, подчас ложными сигналами вызвать кораблекрушение), заменялось противоположным: потерпевшим должна была оказываться всякая помощь, имущество их не конфисковалось и т. д.

Дух «Русской Правды» был совершенно иным. Существовали даже статьи о покровительстве в отношении домашних животных (лошадь, вол, собака), до чего законодательство Запада тогда еще не додумалось. Имеются, далее, подробности, говорящие о том, что «Русская Правда» создавалась на юге, а не на севере. Так, мы находим указания на пахоту волами, а не

лошадьми; никогда волы в северных странах для пахоты не употреблялись. Словом, в законодательстве Древней Руси следов скандинавского влияния не находим – обстоятельство, совершенно не объяснимое норманской теорией.

Государственный строй. Согласно норманской теории, Древняя Русь обязана норманам своим государственным строем. Это неверно: Русь еще задолго до появления норманов имела веками установившийся государственный строй. Князь вовсе не был новинкой на Руси. Хордадбег, писавший в 40-х гг. IX в., т. е. до Рюрика, сообщает, что «царь у славян и руссов называется княдз».

«И почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и воста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в собе: “поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву”». Так гласит летопись, и из нее видно, что новгородцы знали, что искали. Не варяги принесли с собой княжеское правление, оно было и до них, только оно из-за смерти Гостомысла прервалось.

Формы общественного сожителства и порядка, методы управления, система народного хозяйства и т. д. – все это не носит никаких следов влияния скандинавов на Древнюю Русь. Веча, князья, бояре, тысяцкие, дружина, смерды, старосты, житии и т. д. – все это и по терминологии, и по своему содержанию и взаимоотношениям совершенно самобытно.

Из всех званий имеется только слово «тиун», которое приписывается норманам, однако есть ученые, которые не считают, что это слово германского происхождения. Наконец, одно слово не означает еще завоевания Руси норманнами, возглавления ими государственности и т. д., и в скандинавских языках есть заимствования из славянских, что тоже вовсе не указывает на завоевание скандинавов славянами.

Система налогов (полюдье, погосты, уроки), таможенные сборы (мыто) и т. д. и терминологически, и по сути отличались от скандинавских. Да и не могли не отличаться, ибо весь строй жизни был иной. Характерной чертой быта Древней Руси было множество городов (их насчитывались сотни), что в первую очередь говорит об оседлости, развитии ремесел. Но эта черта была совершенно чужда Скандинавии, насчитывавшей в те времена всего 7 городов. Кстати, это обстоятельство и давало повод скандинавам называть Русь – «Гардарики», т. е. «страной городов».

Если скандинавы были властителями и организаторами государственной жизни, то как объяснить отсутствие их влияния на государственный строй, борьбы между «варяжской» и «антиваряжской» партиями? Образование таких групп было совершенно естественным явлением, ведь речь шла, как нас убеждают, о веках! Тем не менее за всю историю Древней Руси мы не знаем ни одной попытки свержения варяжской власти, ни одной неурядицы, связанной с тем, что имеются чужие люди, пришельцы, севшие на шею. Эти обстоятельства совершенно не объяснимы норманской теорией.

Военное дело. Норманцы полагают, что германское племя Русь завоевало славянскую страну, передало нам свое славянское имя. Что скандинавы владычествовали несколько сот лет. Что в их руках была сеть крепостей, из которых они управляли страной. Что скандинавы-военачальники организовали русское войско. Что тысячные отряды скандинавов стерегли Русь. Что они были основой русской военной силы.

Если бы это было так, мы непременно нашли бы след огромного влияния скандинавов на военное дело на Руси. Ознакомимся прежде всего с названиями разного рода оружия нападения и защиты. Лук, стрела, туло, сулица, копье, шлем, меч, ножны, шишак, рогатина, секира, топор, тюфяк и т. д. – все названия славянские. Скандинавского ни одного. А между тем было бы естественно организаторам военной силы ввести свое оружие, назвать его по-скандинавски.

Далее, указанные роды оружия, если они имеют скандинавские аналоги, были представлены в славянской форме: русские стрелы отличались с первого взгляда, то же можно сказать

о форме шлемов, щитов и т. д. Лишь меч был общеевропейского (но не специально скандинавского) типа.

Как показали остатки мастерских, все оружие делалось на месте, русскими руками. При этом из местных железных руд, что доказано спектроскопическим анализом изделий. Кольчуги появились на Руси под влиянием Востока почти на 200 лет раньше, чем в Европе, поэтому-то в XII в. во французской поэме «Рено де Монтобан» говорится о «кольчуге, сделанной в России». Сам тип русских кольчуг отличен от норманского. Даже слово «кольчуга», т. е. «сделанная из колец», славянское. Термин «броня» (от «боронити», т. е. защищать) также русский.

Обратимся к названиям чинов военной иерархии: вой, воевода, старшина, тысяцкий, подвойский, мечник, лучник и т. д. – все славянское, ни одного скандинавского. А когда Русь действительно стала учиться у иностранцев военному искусству в конце XVII в., появились заимствованные: генералы, бригадиры, майоры, лейтенанты, капитаны, адмиралы и т. д.

Мы не знаем, далее, ни одного приема скандинавской стратегии или тактики, которые были бы переняты у скандинавов. Нам известно о строе «клином», «свиньей», но русское военное построение было «тремя полками», с «большим полком» посередине, но это не скандинавский военный строй. Одним словом, какую бы сторону военного дела мы ни взяли, следов, оставленных скандинавами, мы не находим. Объясняется это очень просто: скандинавы бывали на Руси лишь в форме дополнительной военной силы – временной, а не постоянной.

Оружие, найденное в курганах, которое прежде считалось норманнским, оказалось явно не норманского типа и изделия. Характерные скандинавские боевые топоры совершенно отсутствуют.

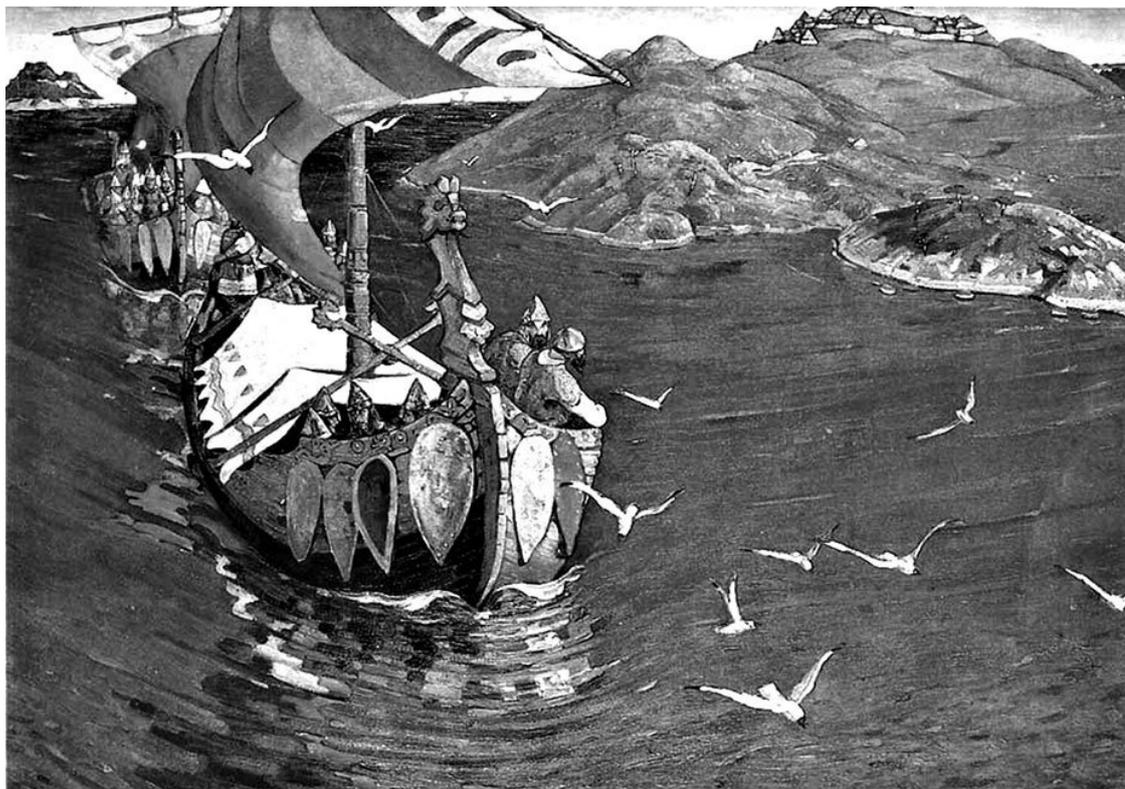
Среди нескольких сотен курганов в Гнездове около Смоленска только о двух курганах можно сказать положительно, что здесь были погребены дружинники норманны. Однако как раз именно эти курганы и не самые большие, и не самые богатые. Вообще содержание курганов (а их исследовались тысячи) говорит только о том, что отдельные скандинавские воины или небольшие группы их попадали на Русь, но их было сравнительно очень мало и положение их не было привилегированным.

Где же погребения скандинавских князей, воевод, властителей городов, крепостей, знати, богатых людей и т. д.? Где их характерные крылатые шлемы, боевые топоры, надгробные плиты и т. д.? Не найдено ровно ничего. Почему? А потому, что была славянская Русь, скандинавской или германской Руси не существовало.

Мореплавание. Скандинавы известны нам как смелые и искусные мореплаватели, открывшие Исландию, Гренландию и Северную Америку (еще до Колумба), совершавшие свои набеги даже на Средиземное море и ставшие грозой Средней и отчасти Южной Европы. Естественно, что, явившись на Русь и овладев ею, они не могли не передать руссам своего искусства мореплавания, ведь с ними они, как думают, нападали на Царьград, Каспийское море и т. д.

Исследование показывает, что термины мореплавания являются исключительно славянскими: лодья, челн, струг, насад, паузок, ключ (уключина), пря (парус), весло, корма, нос, палуба и т. д. Либо греческими: корабль, якорь, шаланда и т. д. Ни одного скандинавского термина мореплавание Древней Руси не усвоило.

Единственное слово «шнека», ставшее интернациональным, употребляется еще и до сих пор только в области северных морей. На внутренних же водных путях оно совершенно неизвестно. Как и на Черном, Каспийском морях. Шнека представляет собой особый тип рыболовного морского судна и, благодаря своей специфичности, называется так почти всеми народами, которые со шнеками сталкивались.

Заморские гости. Художник Н. К. Рерих

На Руси такой тип судна не применялся. И сейчас не употребляется. В летописях он упоминается только в рассказах о нападении скандинавов: обычно сообщается, на скольких шнеках скандинавы явились.

Из византийских источников мы знаем, что руссы плавали в Черном море издревле и что лишь греки и руссы были здесь народами-мореходами.

Все остальные избегали моря, будучи преимущественно кочевниками. О хазарах прямо сказано, что плавать по морю они не умеют. Мореходные же таланты руссов были замечены уже давно, и они часто служили в византийском флоте, занимая подчас даже очень высокие должности. Тесная связь руссов с греками на почве мореплавания отражена несколькими греческими словами, перешедшими в русскую мореплавательную терминологию (см. выше).

Замечательно также то, что до сих пор не найдено остатков ни одного норманского корабля на Руси. Нет в мореплавании руссов отзвуков типичных скандинавских украшений кораблей – драконов, голов чудовищ, дев и т. д., без которых не обходилось ни одно судно викингов (их искусство заставляет до сих пор изумляться – см., например, остатки кораблей в музее в Осло). Итак, в мореплавании руссы ничего не взяли от скандинавов, и это совершенно необъяснимо норманской теорией.

Торговля. Скандинавы рисовались норманской теорией как предприимчивые торговцы, пересекавшие Русь из Балтики в Черное или Каспийское море, широко используя все внутренние водные пути Руси.

Нигде во всех исторических документах (ни на Западе, ни на Руси) нет ни слова о скандинавских купцах в глубине Руси. Если бы все было так, как представлено в норманской версии, то история должна была сохранить случаи убийства, ранения купцов или их ограбления, наложения на них штрафов, кражи у них товаров, хлопот об их освобождении, споров о пошлинах, конкуренции с русскими купцами, о несчастиях с их судами, о волоках их судов по суше и т. д. Обо всем этом решительно ничего не находим, хотя речь идет не о годах, а о столетиях.

Допустим, однако, что они торговали. Но не могли они торговать без денег или без товаров. Обязательно остались бы какие-то вещественные следы – деньги или предметы западноевропейского изготовления, подлежащие обмену.

Недавняя (1956) работа Янина¹¹ показывает (она подводит итоги всему, что нам известно о древних русских кладах и находках), что:

а) с начала IX в. и до начала XI (1014) денежной единицей на Руси был арабский дирхэм, т. е. именно в ту пору, когда принято считать, что скандинавы играли на Руси особенно выдающуюся роль. За все «норманское» время, когда на Руси якобы были скандинавы, **в Киеве не найдено ни одного западноевропейского динария**. Факт, совершенно не совместимый с норманской теорией;

б) к началу XI в. разразился кризис серебра на Востоке, и арабский дирхэм почти исчез из Древней Руси. Весь XI век господствовал западноевропейский динарий, т. е. в эпоху, когда влияние норманов, по утверждению даже самих норманистов, было уже незначительным. После Ярослава Мудрого (ум. в 1054 г.) имя варягов почти исчезает из летописей. Иначе говоря, норманская, вернее европейская, монета появилась на Руси, когда норманов уже не было;

в) дальше (XII век) начался период безмонетного обращения, длившийся несколько столетий.

Могут возразить, что торговля осуществлялась не деньгами, а мехами, которые и были средством обмена. Однако если с арабами торговали на деньги, то почему со скандинавами на меха? И в этом случае факт полного умолчания скандинавских купцов остается необъясненным.

Наконец, и это самое главное, в Древней Руси не найдено предметов западноевропейского происхождения. Напомним, что единичные находки, если изделия действительно западноевропейского происхождения, еще ничего не говорят в пользу норманской теории. Такие предметы могли быть завезены через Галицию или Польшу, куплены русскими купцами за границей – они торговали с Западом: бывали и в Любеке, и в Швеции, и на Готланде. Подобные предметы могли появиться и как подарки из-за границы, ничего общего со скандинавскими не имеющие. Если торговля была, то мы должны были бы найти много заграничных предметов. На деле ни денег, ни товаров скандинавов не найдено.

Норманисты совершенно не поняли, что скандинавы торговали только с окраинами Руси – Псковом, Новгородом, внутрь же ее они вовсе не проникали. Все соображения норманистов – лишь плод их беспочвенных кабинетных измышлений. Никто из них не подумал, что действительно торговцам-грекам было куда короче, сподручнее, принимая во внимание связи Византии с Русью, торговать хотя бы с Киевом. Даже о них никаких сведений нет: ездили в Византию русские купцы, была торговля и с Херсоном (сухопутная), но ее размеры были невелики, и касалась она главным образом предметов роскоши. Но, повторяем, делали все русские купцы.

Что касается скандинавов, то прежде всего нечем было торговать в глубине Руси. Скандинавия была издревле бедной страной. И если и могла что-то выбросить на рынок, то именно те товары, которые Русь сама имела в достаточном количестве (меха). Лучшее доказательство бедности страны – то, что скандинавы вынуждены были продавать свою кровь службой у иностранцев в качестве воинов.

¹¹ Академик Валентин Лаврентьевич Янин – выдающийся отечественный историк и археолог, исследователь письменности Древней Руси. Примечательно, что он стал участником открытия при раскопках в Великом Новгороде в 2000 г. древнейшей надежно датированной древнерусской книги (с сохранившимся оригиналом) – Новгородского Кодекса, или Новгородской Псалтири начала XI в. Причем эта книга состоит из трех деревянных (липовых) покрытых воском дощечек, соединенных деревянными штырями в единый кодекс, то есть формально может рассматриваться как аналог «Влесовой книги». – *Примеч. ред.*

Не могли скандинавы торговать и чужим товаром, перекупая его или получая в кредит, — для этого надо было быть платежеспособным. Наконец, нужно помнить об опасностях торговли в те времена. Главное же то, что огромные расстояния съедали все выгоды транзитной торговли, даже если бы она была физически осуществимой.

Товаровместимость ладей была ничтожна: дикость путей, огромные расстояния требовали перевозки больших количеств пищи, платья, оружия, инструментов и т. д. Длинные волоки посуху ставили торговцев в полную зависимость от окружающего населения, которое, конечно, всегда было готово погреть руки. Если в древности так сильно грабили своих, то что говорить о чужих?

Можно утверждать с полной ответственностью, что **никакой транзитной торговли с Востоком не было.**

Торговый путь распался на участки, где происходила продажа и покупка прибывших товаров. Достоверно известно, что скандинавские купцы до устья Волги не доходили. Да и не могли доходить. Торговля на Руси осуществлялась самими руссами.

Сторонникам транзитной норманской торговли стоит лишь взять карандаш в руки и подсчитать, сколько тысяч километров пути и месяцев необходимо для доставки одного килограмма из Швеции хотя бы до Средней Волги, чтобы понять, что не существовало в то время товара, который мог бы оправдать свою перевозку экономически.

Иностранные товары (в очень незначительном количестве) непременно проходили через руки русских купцов. Надо помнить к тому же, что правитель каждого государства, через границы которого проходили чужие товары, брал $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ часть их. Границ было множество. В этих условиях из Скандинавии до устья Волги могли доходить лишь жалкие остатки первоначального товара. Даже если купец уцелел, то мог он привезти ничтожное количество товара, а ведь надо было еще возвращаться, и знать, что водная дорога открывалась лишь в апреле, а в октябре на севере речки уже замерзали. Конечно, теоретики-историки об этом не думают.

Поэтому-то в первые века истории мы не находим на Руси ни западноевропейских товаров, ни денег, ни, наконец, упоминаний о скандинавских купцах. Нет ни единого отчета хотя бы об одной поездке скандинавского купца на Черное или Каспийское море. Торговлю с границей Северная Русь осуществляла сама, ездя в Данию, ганзейские города, Готланд и т. д.

Южная же Русь торговала с Византией и Востоком через Дон и Волгу.

Ремесла. Замечательные находки археологов в последние десятилетия показали полную ошибочность прежних представлений о слабом развитии ремесел в Древней Руси. Наоборот, все данные говорят о противном: ремесла были высокоразвиты. Недаром старинный византийский трактат о ремеслах отмечает, что Русь в этом отношении занимает одно из первых мест.

Русские металлические изделия благодаря высокому качеству (например, особый тип замка — «русский замок» или русские брони и т. д.) проникали даже в Западную Европу (например, в Чехию, Францию и т. д.), доказывая тем высокое состояние ремесла.

Весьма показательны, что в IX–X вв. все глиняные сосуды в Киеве, Смоленске, Новгороде изготавливались уже на гончарном круге, что доказывает, с одной стороны, высокую технику гончарного производства, а с другой — существование специализировавшихся ремесленников, т. е. усложнение общественного строя.

В Скандинавии же в это время керамика изготавливалась еще от руки, и гончарный круг распространился там лишь в X–XI вв. Причем даже шведские археологи говорят в отношении отдельных находок о славянском влиянии. О влиянии же скандинавской керамики на русскую никто не сообщает. Вообще скандинавское ремесло ограничивалось лишь местным обслуживанием. И следов его влияния на Русь не имеется. В резьбе по дереву, в особенности в черни на серебре, Древняя Русь стояла чрезвычайно высоко.

Строительство. Особенно заслуживающим внимания обстоятельством является отсутствие в Древней Руси каких бы то ни было построек скандинавского типа: нет ни крепостей,

ни укреплений, ни храмов, ни вообще сооружений их типа, а между тем тип жилища – одна из самых крепких черт в быте народа. За примерами далеко не ходить: в Венесуэле или Бразилии можно видеть недавно построенные украинские хаты (среди пальм!). Привычка к типу жилья – очень постоянная и характерная черта жизни всех народов. В Древней же Руси нет не только домов или поселений скандинавского типа, нет даже кладбищ или погребений!

Если скандинавы были на Руси и играли видную роль, должны быть остатки их сооружений, храмов и т. п. В действительности ничего нет! И это понятно: скандинавы бывали лишь в качестве временной наемной военной силы, без женщин, стариков и детей. Как следует из саг, они заключали с русскими князьями годовые контракты. И если помощь их оказывалась ненужной, они уезжали в другую страну. Отсюда и отсутствие их вещественных следов.

Замечательно также, что нигде нет ни малейших упоминаний о смешанных браках скандинавов со славянками. Обстоятельство для веков совершенно необъяснимое. Только русские князья, в силу установленного обычая среди монархов всех народов, сочетались браком с иностранками, в том числе и со скандинавками, поддерживая свой династический престиж и международные связи.

Быт. Если мы обратимся к названиям различных орудий в хозяйстве, увидим, что все они (рало, соха, лопата, заступ, вилы, борона, грабли и десятки других) – славянские, а не скандинавские. И не только по названиям, но и по форме.

Далее. Ни в одежде, ни в пище или напитках, ни в утвари, ни в чем ином, что составляет материальную жизнь народа, мы не находим на Руси ничего скандинавского. Если бы скандинавы были и влияли, остался бы какой-нибудь сосуд для еды, особый род одежды или обуви, сорт топора, тип рыболовной сети и т. д., связанные со скандинавами. Ничего этого нет.

Наоборот, свидетельства арабов вместе с тем говорят, что руссы носили совершенно особую, отличную от западноевропейских народов одежду. Ибн-Даста писал: «... шальвары (т. е. штаны) носят они широкие; сто локтей материи идет на каждые. Надевая такие шальвары, собирают они их в сборку у колен, к которым затем и привязывают». Напомним, что широкие штаны были у казаков в Северном Причерноморье национальной одеждой еще в конце XIX века.

Денежная система. Многие характерные черты общественной жизни Древней Руси говорят о долгом и самостоятельном развитии. Возьмем систему торговли мехами. Все в этой системе, начиная с названия единиц, величины их и пропорций между ними, – нескандинавское. Названия: куна, резана, ногата, долгея, векша, ушка, мордка, обеушная мордка и т. д. – все без исключения славянские и являются отражением известной части меха и его качества (например, ногата – с ногами и т. д.).

Эта система была основной русской системой торговли. Но выходила и далеко за пределы Руси: на «куны» торговали и в далекой Фрисландии, и в ганзейских городах, и в Бирке в Швеции, и на острове Готланде. В торговых сношениях Русь навязывала свою систему Западу, а не наоборот.

Существовала еще на Руси весовая система ценных металлов в слитках. Названия ее единиц свои, а не скандинавские: гривна, полтина, рубль и т. д. Что же касается величины гривны, то Русь заимствовала ее из Византии, с Востока и Запада (в разных формах гривны и ее фракций), но не из Скандинавии. Бедной, отсталой, малокультурной страной была Скандинавия VIII–XII веков.

Когда Русь (с Владимира Великого) стала чеканить свою монету, она подражала византийским образцам. Чеканка монеты в Скандинавии началась на 100 лет позже, чем на Руси. Кроме того, по признанию авторитетов, именно скандинавы подражали (и довольно неумело) русским образцам. Не без значения и то, что первые русские монеты не носят чужих названий, на них было написано: «Владимир, а се его серебро».

Сребреник великого князя киевского Владимира Святославича

Независимость Руси от Скандинавии доказывается также собственными единицами длины, веса, емкости и т. д. Верста, сажень, косая сажень, вершок, локоть были своими мерами и по величине, и по названию. И еще: пуд, фунт, золотник (заимствовано с юга), ведро, четверик, осьмушка, оков (око) и пр. – все это свои названия, хотя материальное значение их не всегда было самостоятельным. Четверик, например, перенят у римлян, золотник – у греков, кое-что – у арабов, но решительно ничего – у скандинавов, ибо тесной связи Руси со Скандинавией не было. А сама Скандинавия много времени представляла собой страну, у которой вообще заимствовать было нечего.

Язык. Вековое владычество скандинавов (по предположениям, конечно) не могло не отразиться на языке руссов. Норманисты сначала утверждали, что влияние это было огромным. Вскоре, однако, выяснилось трудами самих норманистов, что в русский язык вошло всего 16 скандинавских слов. Это количество мизерно по сравнению с несколькими десятками тысяч слов, составляющих русский язык. Казалось бы, одного этого факта было достаточно, чтобы серьезно задуматься над проблемой норманов, но шовинистическое ослепление было настолько велико, что прошли мимо этого основного факта.

Далее. В число этих 16, якобы скандинавских, слов вошли, совершенно очевидно, слова, ничего общего со скандинавскими не имеющие. Например, греческое слово «якорь». Достаточно взглянуть в любой справочник или словарь – и каждый может в этом убедиться. Томсен, в свое время читавший лекции в Лондоне, опускался просто до шарлатанства, утверждая, что слово «стул» взято русскими у скандинавов. И это он говорил в стране, которая тоже имеет слово «стул», не говоря уже о немецком «штуль» и т. д. Очевидно, и эти народы заимствовали упомянутые слова у скандинавов. То же самое касается слова «кнут». Вспомним немецкое «ди кнуте» и т. д. Если эти слова и вошли в русский язык, то заимствованы они не от скандинавов, а от англичан, голландцев, немцев, которые тысячами служили на Руси, и не во времена Рюрика, а много сот лет спустя. Пусть Томсен попробует найти в летописях слово «стул»!

К решению вопроса подходили с беспардонным легкомыслием. Да, в русский язык вошли сотни немецких, французских, английских (и т. д.) слов, не говоря уже о греческом и латинском, но они пришли к нам со времени Петра I. В Древней же Руси они отсутствовали. Более объективный анализ указанных 16 слов показывает, что по крайней мере 13 должны быть решительно отброшены. Что же касается остальных 3 слов, то происхождение их неясно и спорно. А главное – не доказано, что эти слова вошли в русский язык в древности.

Диву даешься, читая, что коренные всеславянские слова – наследие общих с большинством европейцев, предков-арийцев¹², – объявляются заимствованными, и не от ближайших соседей, а от скандинавов, с которыми никогда не было близких и дружеских отношений.

Подводя итоги, мы должны сказать, что в отношении языка влияние скандинавов равнялось почти нулю.

Письменность. Не менее важное значение имеет тот факт, что в Древней Руси не найдено никаких следов скандинавской письменности: нет ни одного надгробного памятника, мемориального камня, стен замка или церкви, нет ни одного пограничного столба, ни одного сосуда, оружия или металлического изделия с рунической надписью.

Все, что мы имеем, – это: 1) руническая надпись на острове Березань около Очакова, написанная в память проезжавшего, заболевшего и умершего варяга, и 2) копье с именем владельца, найденное под Ковелем. В обоих этих случаях надписи найдены только поблизости Древней Руси. В самой же Руси не найдено ни одной рунической надписи. Наконец, ничего не обнаружено латинским или иным алфавитом, но на скандинавских языках, хотя невозможность обойтись без письменности руководящему слою населения совершенно ясна, если в особенности принять во внимание столетия. Однако нет ни строчки и ни слова. Когда эта работа была уже в типографии, нам стало известно, что в 1957 г. была сделана первая попытка расшифровать руническую надпись на палочке, найденной в 1950 г. в Старой Ладоге (см. «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. 11, статья В. Адони и Т. Сильман). В 1959 г. была опубликована статья В. И. Равдоникаса и К. Д. Лаушкина «Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г.» (см. «Скандинавский сборник», т. 4, Таллинн). Публикация же рун была сделана лишь в 1963 г. (см. Б. А. Рыбаков, «Русская эпиграфика X–XIV вв.» в сборнике «История, фольклор, искусство славянских народов», М. (доклады советских славистов на V международном съезде славистов).

Эта единичная и единственная находка (опять-таки не в центре Руси, т. е. Киеве или Новгороде) только подтверждает, что рунами на Руси почти не пользовались.

Отметим, с другой стороны, что с 1951 г. в Новгороде за время систематических раскопок найдено уже несколько сот грамот, написанных на бересте, и количество их все растет, отысканы грамоты и в Смоленске.

Некоторые грамоты датируются XI в. Содержание грамот самое житейское: муж, уезжая из дому, забыл взять рубашку, просит жену прислать ему ее; люди кончили пахать, извещают об этом и просят прислать семена; двое спорят о корове; жена осведомляет родных о смерти мужа и т. д.

Берестяные грамоты показывают, что грамотность в Древней Руси была широко распространена, ее знали и мужчины, и женщины, она была обычным явлением тогдашней жизни. А не следует забывать, что в Европе, даже несколько веков спустя, нередко и короли были неграмотны.

Только наше незнание и предубежденность сделали из наших предков каких-то дикарей. Но самое замечательное – среди сотен этих отрывков обыденной жизни нет ни одной рунической или не на славянском языке. Все надписи по-славянски и славянскими буквами. Где же скандинавские?

Имена древних руссов. Некоторые исследователи пытались найти поддержку норманской теории в том, что имена первых русских князей, как то – Рюрик, Олег, Игорь и т. д., – скандинавские. Здесь они совершили двойную ошибку: во-первых, употребление иностранных имен не доказывает, что они не славяне; во-вторых, есть серьезные основания видеть в указанных именах славянские имена.

¹² То есть индоевропейских народов, в принятой сейчас научной терминологии. – *Примеч. ред.*

В самом деле, большинство из нас носит христианские имена, т. е. по происхождению еврейские, греческие или латинские, но это вовсе не значит, что носители их – евреи, греки или римляне!

До принятия Русью христианства имена не были регламентированы. Называли детей не согласно церковным святцам, а так, как хотели, тем именем, которое почему-то больше нравилось, чаще всего в честь своих наиболее любимых родственников – деда, отца, брата, дяди и т. д. Этот обычай еще долго держался после введения христианства, сотни лет спустя. А языческие имена были в большем употреблении, чем христианские. Даже Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) говорил: «Я, при рождении названный Василием, но известный всем под именем Владимира».

Даже княгиня Ольга, получившая при крещении имя Елены, вошла в святцы со своим языческим именем.

Так как история сохранила нам имена главным образом князей и их жен, нет ничего удивительного, что среди них могут встречаться и иностранные имена. Мы знаем, что жениться на иностранных княжнах было правилом. Поэтому нередко иностранная княжна входила на Русь со своим иностранным именем, например Ингигерда. Вполне естественно, что она могла назвать своих детей в честь своих иностранных родственников.

Был и другой обычай – переименования жен при женитьбе. Известно, что Олег, женивши Игоря, переименовал ее в Ольгу, а настоящее ее имя было Пребрана.

История отметила случай, когда внучка Владимира Мономаха Ингигерда, имевшая, несомненно, и христианское имя, выйдя замуж за датского короля, назвала своего сына в честь деда Владимиром, в датском произношении – Вольдемаром. С этого времени в Дании на троне появляется имя Вольдемар. Но совершенно ясно, что носили его датчане. Такая перекочевка имен от народа к народу была отмечена еще историком VI в. Иорданом.

Норманисты забыли также, что у князей на Руси национальность их жен была разная: были гречанки, польки, венгерки, немки, половчанки, даже англичанки (например, жена Владимира Мономаха Гита Гаральдовна). И бывало их по несколько одновременно. Ясно, что дети их хоть и вырастали отчасти под материнским влиянием, но на деле уже были русскими. Такие дети могли, конечно, носить нерусские имена, но были русскими.

Поэтому если русский князь и носил неславянское имя, то это еще не значило, что он не славянин. В каждом отдельном случае надо разобраться обстоятельнее.

Однако (и это самое главное) количество неславянских имен на троне на Руси совершенно ничтожно. Олег был единственным иностранцем на троне с неславянским именем. Но имя его «Хельги» давно уже имело славянский вариант – Олег. На трон же он попал совершенно случайно – по праву родства из-за малолетства Игоря.

Имя Рюрик не может считаться скандинавским, так как оно встречается в чрезвычайно близких вариантах и у других славянских народов: Рюрик – у поляков, Ререк – у чехов, Ререг – у западных славян, где было целое племя ререгов. Наконец, и самое имя Рюрик и в летописях наших имеет варианты: Рурик и даже наш исторический древний Рюрик назван Ререком. Так как мы знаем, что он был сыном славянского князя, к тому же и мать его была славянкой, мы имеем все основания считать его и его имя славянским. Что же касается скандинавского происхождения, то мы знаем, что оно было там очень редко. Известны всего 2–3 Рюрика, вернее Хрёрека, из чего видно, что славянские варианты ближе, чем скандинавские.

Имя брата Рюрика Синеус – чисто славянское имя, является аналогом Белоуса, Черноуса, Мокроуса, Стрижууса и т. д. И мы знаем отлично, что в древности клички служили именами. Что же касается имени Трувор, то и оно могло быть славянским – Трубор от «трубы», т. е. трубач. Мы, однако, не настаиваем на таком объяснении, ибо одно слово дела не решает. Но мы считаем нужным отметить, что имя Трувор встречается у Саксона Грамматика и что те, кто переводит это имя (коверкая, конечно, слово), совершают грубую ошибку.

Что же касается имени Игорь, то русские источники ясно показывают, что были два похожих имени в употреблении: Ингвар (по-видимому, скандинавское) и Игорь (неизвестного происхождения). Из византийских источников мы знаем, что Игорь по-гречески передавалось как «Ингер», а имя Ингер было хазарским. Мы знаем даже одного знатного Ингера при византийском дворе. Так как Русь была соседкой Хазарии и одно время даже платила ей дань, вполне возможно, что одно из хазарских имен перекочевало и на Русь.

Мы не будем останавливаться на анализе прочих имен русских князей, так как мы это сделали в другом месте, отметим лишь, что все они славянские и были в широком употреблении и у других славян.

До нас дошли также имена некоторых послов и торговцев, представлявших Русь в переговорах с Византией. Анализ имен этих представителей норманистами просто недобросовестен. Уж кажется, чего проще: речь идет о людях, которые говорили о себе: «мы от рода русского», – значит, надо поискать корней **и в русском языке** (т. е. славянских корней), этого даже и не пытались сделать люди, вовсе не знающие русского языка; до сих пор коверкают имена, приводимые в летописи, так чтобы получилось что-то похожее на скандинавское. Такие совершенно ясные и несомненные славянские имена, как Войко, Синко, Борич (сын Бориса), Гудый (музыкант), Куцый и т. д., зачислены в скандинавские. Другие имена, как, например, Ятвяг, Искуси и др., не принадлежат ни к скандинавам, ни к славянам, а к тем неславянским племенам, которые были представлены в посольстве Руси (ятвяг¹³, эстонец и т. д.). Даже они сочтены за скандинавские. Более того, о некоторых прямо сказано, что происхождение их неизвестно, однако при подсчете они отнесены к скандинавским. Такие подсчеты можно назвать только шарлатанскими.

Мы не останавливаемся здесь подробно на этом вопросе, потому что говорили в нашей большой работе об этом достаточно. Скажем лишь, что среди послов Руси были и скандинавские (отражающие воевод, бывших на службе у Руси), но число их значительно меньше, чем это принимается норманистами.

Вообще же скандинавские имена в Древней Руси были элементом случайным и совершенно второстепенного характера. Славянские имена подавляли.

Географические названия. Желая доказать владычество норманов в прошлом, некоторые указывают, что в Северной России имеется много скандинавских географических названий. К сожалению, нет ни одного, которое было бы мало-мальски приемлемым. Все названия толкуются из скандинавских корней после того, как слово подверглось настоящей вивисекции, т. е. изменено до неузнаваемости.

На деле же все эти названия легко и без всяких изменений объясняются из угро-финских корней, т. е. из корней тех народов, которые издревле жили в этих местах. Норманисты не задают себе самого естественного и элементарного вопроса: если данные географические названия скандинавские, почему в этих местах не найдено ни одного скандинавского поселения, ни одной скандинавской могилы или вообще чего-то скандинавского происхождения?

Куда делся (и бесследно) этот скандинавский народ, давший географические названия, и как на его месте мог появиться чрезвычайно низкий в культурном отношении народ (водь, ижора, весь, корела и т. д.), дотянувший до конца XIX в. по крайней мере, а сильный и культурный скандинавский народ исчез?

Далее. Упускают из виду, что в древности «рубилось» немало новых городов. Были Владимиры, Изяславы, Ярославлы, Юрьевы и т. д. Но ни одного Олафова или Бьернова. А ведь новые города, по убеждению норманистов, создавали скандинавские князья!

Наконец, почему ни в Средней, ни в Южной Руси нет совершенно «скандинавских» названий? Мы объясняем легко: не было угро-финнов.

¹³ Ятвяги – балтское племя, родственное древним пруссам. – *Примеч. ред.*

Названия днепровских порогов. Единственные (якобы) скандинавские названия видят в названиях днепровских порогов. Бросается в глаза странность: почему скалы на Днепре получили скандинавские названия, а земля вокруг на сотни километров – нет? Такой естественный вопрос даже в голову не приходил норманистам. Естественный вывод один: потому что скандинавы не жили на ней. Значит, скалам могли дать названия лишь приезжие скандинавы.

Но и здесь мы наталкиваемся на непреодолимые затруднения: во-первых, по мнению всех авторитетов, в том числе и норманистов, днепровский путь был открыт очень поздно, именно в IX веке, но до пришествия в Киев Олега; во-вторых, как мы уже указывали в пункте о торговле, этот путь использовался только русскими, а не иностранными купцами. Представление, что чужеземцы разгуливали по Древней Руси вдоль и поперек, относится к самым блестящим образцам развесистой клюквы.

Наконец, мы совершенно достоверно знаем, что несколько тысяч варягов, при помощи которых Владимир Великий захватил Киев, вынуждены были выехать из Киева в Царьград, **но дороги туда не знали.** Они просили Владимира показать им дорогу, т. е. дать проводника. Это было в 980 г., а норманисты утверждают, что варяги так хорошо знали Днепр, что даже дали свои собственные названия порогам! У норманистов с логикой что-то не в порядке.

Вся история со скандинавскими названиями – плод печального недоразумения – удовлетворительного объяснения с точки зрения норманизма до сих пор не получила. Что это так, показывает совершенно объективный факт: до самого последнего времени норманисты продолжают печатать новые и новые работы о названиях днепровских порогов. Это значит, что старые работы **их самих не удовлетворяют.**

В нашей большой работе мы указали, что всё объясняется легко и просто. Днепровские пороги имели двойную систему названий: 1) славянскую (новгородскую) и 2) русскую (киевскую). Никакого национального противопоставления руссов славянам у Константина Багрянородного нет. Есть упоминание двух систем названий, употребляемых теми, кто этим путем пользовался.

Что обе системы названий были славянскими, видно из прямого и ясного указания Багрянородного, что 1-й днепровский порог и «по-русски», и «по-славянски» назывался «Не спи». Не может быть, чтобы целая, хотя и короткая, фраза в двух разных языках звучала и значила одинаково. Это может быть только у двух очень близких языков.

Далее оказалось, что название 7-го днепровского порога при всем старании из германских корней объяснению не поддается, а из славянских не представляет затруднений (подробности см. в нашей большой работе).

Что же касается пяти остальных названий «по-русски», то исследователи не заметили следующего: 1) все приведенные названия могут быть истолкованы из германских корней лишь с большими натяжками и смысл названия порога часто стоит в противоречии, что говорится далее о свойствах порога; 2) эти трудно понимаемые названия на самом деле являются не славянскими и не скандинавскими, а **греческими.** Информатор Багрянородного забыл, как они звучат «по-русски» (т. е. по-киевски), но помнил, что они значат по-гречески.

Никакой путаницы не было: и арабы, и греки отлично различали Русь (Киев) и Славонию (Новгород). Путаницу создали норманисты, когда они решили, что Русь – это германцы или, еще точнее, скандинавы. Достаточно понять это – и не нужно портить бумаги новыми работами о днепровских порогах. Пороги были на Руси, путь использовался русскими купцами из Новгорода и Киева (о чем Багрянородный говорит совершенно определенно), и, естественно, они носили и славянские названия. Было лишь две системы названий.

Итак, скандинавских географических названий ни на юге, ни на севере Руси не найдено.

Народный эпос. Одно время среди норманистов господствовало мнение, что Скандинавия повлияла на русский народный эпос. Даже Илью Муромца склонны были рассматривать

как славянскую копию скандинавского героя. Упустили самое главное: характер, внутреннее содержание героев русских былин, их нравственный тип. Это не искатели приключений или наживы, как герои саг. Это землепашцы, посвятившие все силы защите родины от внешних врагов и разбойников. Совершенной самобытности богатырей цикла Владимир Красное Солнышко никто из норманистов не заметил, **а в этом и была вся суть.**

В настоящее время сами норманисты уж не исповедуют этого тезиса. Наоборот, работы Стендер-Петерсена (1934, 1953) убеждают, что источник саг – южного происхождения. Многие сюжеты Юга и Востока были заимствованы скандинавами во время их службы в Византии и на Руси (отсюда даже упоминание об Илье Муромце) и перелицованы на скандинавский лад (главным образом заменой имен), ставши основой для различных саг. Стендер-Петерсен прямо называет XII век веком обогащения скандинавской культуры сокровищами Юга и Востока **через Русь.** Это говорит, напомним, ярый норманист. Таким образом, новейший норманизм видит в Древней Руси передатчика культуры с юга на север и о влиянии скандинавов на русский народный эпос либо молчит, либо ограничивается слабыми, туманными намеками.

Если же мы внимательно изучим русские былины, сказания, песни, сказки, поговорки, прибаутки и т. д., увидим совершенно ясно одно – полную независимость Древней Руси в культуре от Скандинавии. И это понятно: во-первых, между этими народами никогда не было тесного контакта, а во-вторых, культура распространяется сверху вниз, а не снизу вверх. Древняя же Скандинавия была менее культурной, чем Древняя Русь, имевшая связи на протяжении многих веков с Византией и Востоком.

* * *

Мы рассмотрели достаточно полно все прямые и косвенные доказательства норманизма. Нигде мы не нашли следов пребывания германской Руси в Восточной Европе, все объясняется просто и логически существованием славянской Руси на западе, которая, будучи покорена германцами, была забыта всеми. Поэтому-то и изобрели впоследствии германскую Русь. Однако в недрах истории, как мы видели, имеется много доказательств того, что норманизм – это лишь плод трагического и весьма печального недоразумения.

Глава 5. Заключительные замечания

После всего вышесказанного необоснованность норманской теории ясна всякому, кто дал себе труд познакомиться с фактами истории, а не выдумками историков. Невольно является мысль: как могла веками существовать и почему еще теперь существует эта нелепая теория, почему еще до сих пор западная наука находится в полном ее плену, совершенно не давая себе отчета, насколько необоснованна и вредна она.

Рассмотрим причины, ее создавшие, и основания, позволившие ей существовать так долго. Познание причин даст нам возможность понять всё всесторонне.

1. основоположниками русской исторической науки были немцы, которые со времен Петра I поставили себе задачей создать историю Руси. Они не знали и сотой доли того, что знаем мы теперь. Да и не могли знать уже потому, что некоторые из них, пишучи историю Руси, не владели даже русским языком! (Байер, например). Столкнувшись с дикой, неграмотной Россией, они приняли, что это было так и прежде, выпустив из виду, что представляла собой Киевская Русь и в какую бездну невежества и бедности она свалилась из-за нашествия и векового владычества татар. Достаточно напомнить, что храм Святой Софии в Киеве, это удивительное произведение по архитектуре и отделке, служил после разгрома татар много лет... конюшней. Открытие в 1800 г. такого гениального произведения XII в., как «Слово о полку Игореве», было похоже на гром среди ясного неба: никто не мог сначала даже подумать, что русская культура того времени поднималась до высот, с которыми не могла сравниться вся западноевропейская литература соответствующего времени.

Естественно, что при такой бедности знаний о Древней Руси представления Шлёцера, что наши предки были настоящими дикарями, были до известной степени обоснованны: судили по настоящему, забывая о блестящем прошлом.

Выводы, к которым пришли ученые немцы, стали своего рода каноном, в достоверности которого сомневаться считалось чем-то вроде святотатства. Напрасно гениальный Ломоносов протестовал против норманской теории – голос его был «гласом вопиющего в пустыне».

2. Основные выводы были сделаны без сличения всех летописей и проверки их по многим спискам. В основу была положена Лаврентьевская летопись, кстати сказать, пестрящая пропусками, ошибками и описками. Крупная, отдельная и оригинальная ветвь русского летописания – новгородская – была оставлена без должного внимания.

Когда за дело взялись более серьезно, теория уже была создана, а поэтому все новое, становившееся известным, подгоняли под уже принятую схему, а явно несогласное отбрасывали, считая за ошибку, фальшивку, а то и просто замалчивая. Естественно, что при таком положении дела прогресса знания не могло быть: мысль застыла и дальше не развивалась.

3. Многие в летописях, как мы видели выше, было понято неверно из-за того, что понимали текст, исходя из норм современного языка, а старых норм просто не знали. Ведь культурные люди того времени часто изъяснялись по-французски лучше, чем по-русски. Учебников древнерусского или славянского языка не было. Каждый судил так, «как Бог на душу положит». Так что смысл летописей изменялся до неузнаваемости.

4. Нельзя было ограничиваться толкованием неясных, темных мест, исходя только из рассматриваемого отрывка. Надо было понимать его в свете предыдущего и последующего. Необходимо было логическое понимание времени, места, условий, событий. Словом, надо было быть русским историком. А их, таких историков, не было. Ученый немец представлялся прямо-таки олимпийцем, и на него смотрели чуть ли не с благоговением. О серьезной критике их не могло быть и речи: и некому было критиковать, и небезопасно было критиковать особ, находившихся под самым высоким покровительством, критика могла быть сочтена только «продерзостью».

5. Иностранцы источники, содержащие ценнейшие сведения о Руси, не были вовсе известны. А во многих из них находились как раз прямые указания на ложность норманской теории. Все это пришло после, когда теория была санкционирована и вошла в плоть и кровь всех культурных русских людей.

6. И это, может быть, главное: на историю давила политика – германскому влиянию в России было выгодно поддерживать в русских убеждение, что без варягов им не обойтись. Норманская теория считалась «благонамеренной», и всякий, выступавший против нее, подвергался сомнению в «благонадежности» и т. д. Защищать диссертацию на антинорманскую тему не было возможности: она непременно была бы провалена в совете профессоров. Чтобы нас не упрекали в пристрастности, приведем цитату из книги проф. Н. П. Загоскина «История права русского народа» (1899, 1, 336–338):

«Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманской школы было господствующим и авторитет корифеев ее Шлецера – со стороны немецких ученых, Карамзина – со стороны русских писателей представлялся настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством.

Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволяли себе протестовать против учения норманизма. **Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться».**

Не забудьте, что это было сказано в 1899 г., но оставалось в силе до 1917 г. по крайней мере. И остается до сих пор в русском Зарубежье: во всяком случае, работы Вернадского, Ковалевского, Пушкарева, Сергеевского и т. д., которыми питаются зарубежные русские, не говоря уже о трудах Карамзина, Погодина, Соловьева, Платонова, Шахматова и др., но все они пропитаны насквозь норманским духом, т. е. пренебрежением к нашим предкам.

Более того, весь Запад целиком стоит на норманской позиции и не может выставить ни одного имени антинорманиста, для Запада эта проблема не существует.

Правда, работы В. А. Рязановского, Н. Ильиной, Сергея Лесного и др. стали поперек течения этого потока мутной воды, но окончательного перелома еще нет: норманизм всосался в наших «патриотов», которые никак не могут расстаться с дорогим для них представлением, что предки наши были в IX в. дикарями и холуями германцев.

Да не подумают, что мало было антинорманистов (о них можно и должно написать целую книгу), что они руководствовались шовинистическими побуждениями, а научных оснований у них не было. Это не так, что доказывается примером небезызвестного историка Иловайского, по учебникам которого училась вся Россия. В учебниках он был норманистом. И доход от учебников ежегодно доставлял ему новый дом в Белокаменной. Но в ученых диспутах, в научных журналах как ученый он был ярким антинорманистом. В многочисленных научных статьях он опровергал совершенно норманскую теорию, **ожесточенно боролся сам с собой**, ибо выступал с пеной у рта против того, что он официально проповедовал.

Таковы были условия жизни, что антинорманизм никак не мог пробить себе пути вверх. Гедеонов, автор двухтомного исследования «Варяги и Русь», писал в 1876 году: «Неумолимое норманское вето тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины». И он добавляет: «Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этого истукана с норманской головой и славянским туловищем?» Гедеонову была ясна вся нелепость Руси с норманской головой и славянским туловищем. Действительно, такое творение иначе, как истуканом, назвать нельзя. Однако шли годы, десятилетия, «а только воз и ныне там».

Многие культурные люди, конечно, понимали, что с норманской теорией что-то неладно. Тургенев это отразил в своем романе «Дым», написанном в 1857 г. Он вкладывает в уста своего героя Потугина следующее:

«Немцы правильно развивались, – кричат славянофилы, – подавайте и нам правильное развитие! Да где же его взять, когда самый первый исторический поступок нашего племени – призвание к себе князей из-за моря – есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждом из нас до сих пор. Каждый из нас, хоть раз в жизни, непременно чему-нибудь чужому, нерусскому сказал: иди владеть и княжить надо мною! Я, пожалуй, готов согласиться, что, вкладывая иностранную суть в собственное тело, мы никак не можем наверное знать наперед, что такое мы вкладываем: кусок хлеба или кусок яда?»

Мы видим, что еще в 1857 г. даже самые образованные люди того времени совершенно «плавали» в варяжском вопросе. Нутром они понимали, что здесь что-то не то, но преклонение перед авторитетами было столь велико, а привычка критической мысли не существовала, и поэтому мирились с нелепостью, даже чувствуя, что это нелепость.

Многие, однако, понимали, в чем дело. Чернышевский видел в норманской теории «хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный».

Добролюбов отзывался о главном защитнике норманизма Погодине как о человеке, который «победоносно почил на норманском вопросе», мешая «со вздором небылицы», и т. д.

Мало было, однако, высказывать критические мысли. Надо было доказать ложь норманской теории. А для этого не было сил. Сколько ни кричали антинорманисты, а учили-то норманскую теорию. И даже не заикались о существовании других теорий.

В справедливости норманской теории сомневались не только антинорманисты, но и сами норманисты все время искали каких-то подтверждений. М. П. Погодин, столп норманизма, приводил следующую цитату из Гельмольда: «Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В Славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из Датчан, так и из Славян».

Добавим, кстати, что эти объединенные шайки из датчан и славян, шайки варягов, напали на Англию и требовали буквально «дани» (слово русское).

Приведя цитату из Гельмольда, Погодин добавляет: «Чуть ли не в этом месте Гельмольда, сказал я еще в 1846 г., и чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается **ключ к тайне происхождения варягов и Руси**. Здесь соединяются вместе и Славяне, и Норманы, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Риустри, и Россенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все бы нам стало ясно, но, вероятно, этого слова он не знал».

Герберштейн в русской одежде, подаренной Василием III в 1526 г. Иллюстрация из «Записок Герберштейна»

Из сказанного видно, как близко, на волосок, стоял Погодин от настоящего решения и как он понимал, что норманская теория – это еще не решение всей проблемы. Сомнение все время грызло его, и он искал какого-то ключа от тайны. Он лишь временно удовлетворялся норманской теорией. Но в то же время искал и другие решения. Приходится удивляться, как тонко он угадал «верхним чутьем» место, где завязалась загадка Руси. Он знал, где заключается разгадка, но не имел документа, который это доказал бы. Будь у него в руках «Житие» Оттона Бамбергского, мы уже 100 лет назад отбросили бы норманскую теорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.